

Тадилбек Малахметов

ПЯТЫЙ СОН

(Правда и фантазия)

Предисловие

В моем окне разноцветное столичное небо – безгранично-закатное степное сияние. Работает «Маяк», и нежно-шелковый тенор спокойно призывает: «Спустишься к нам, тихий вечер...» За домашними стенами – обыкновенная, размеренная, давно и прочно налаженная жизнь Астаны, главного казахстанского города.

В режиме «странных сближений» я вспоминаю город моего детства – Астрахань, где задолго до моего рождения, 130 лет тому назад, произошла встреча, ради которой я пишу эту книгу.

Но сначала небольшое лирико-географическое отступление...

«Когда спускаешься от Астрахани, то сначала по обеим сторонам протока расстилаются зеленые луга, но вскоре на берегах появляются цепочки зарослей ивы, нежно шуршащей серебристыми листьями. Ниже они сменяются стенами высокого камыша или зарослями чакана, похожими на древние мечи, с остриями, поднятыми к небу. А вечером солнце тонет в прозрачной глади протоков, и кажется, что вся толща воды пронизана багряными лучами заката.

Ландшафт живет. То и дело плещется крупная рыба. На мелководье, у берегов, стоят внимательные цапли. В затонах плавают стаи уток. Иногда в камышах слышен шелест – это пробирается кабан, единственный зверь, для которого заросли – не препятствие...

На склонах бугров и возвышенностях стоят поселки русских и казахов. Оба эти народа давно живут совместно, уважают друг друга, вместе ездят на рыбную ловлю и пасут на заливных лугах стада коров и конские табуны».

Это отрывок из книги Льва Николаевича Гумилева «Открытие Хазарии». Одновременно это краткий рассказ о местности, где прошло мое детство.

Остров Чистая Банка – за сто километров от Астрахани. Когда плывешь вниз по течению, этот остров – последний. Но если входить в Волгу с моря, Чистая Банка – первый остров. Здесь граница, рубеж между рекой и морем. Хрестоматийная аксиома «Волга впадает в Каспийское море» из дореволюционного гимназического учебника логики для меня всегда оставалась вполне наглядной, неоднократно виденной приметой родного пейзажа.

По сей день, «только я глаза закрою», вижу воочию и сам остров Чистая Банка, и прибрежный спасительный маяк. Островитян здесь живет не больше ста человек. Люблю эту единственную в мире землю. Здесь началась моя жизнь.

Рассматриваю немецкую карту Каспия XVII столетия. В те времена географический документ являлся одновременно и планом местности, и путеводителем, и справочным пособием. Вот вблизи северного каспийского берега изображены русские корабли, приплывшие «вниз по матушке, по Волге». Много кораблей сгрудилось здесь; нарисованы они тщательно: немецкие путешественники – дотошный и обстоятельный народ. Следовательно, эта карта еще и разведывательное, штабное донесение, свидетельство, что Российская империя имела в своем распоряжении большой и сильный флот.

Смотрю современную карту. Пониже Астрахани в разветвленном волжском устье выделяется главный проток (банка). Он проходит через село Мумру (здесь я пошел первый раз в первый класс), через поселок с нежным названием Оля. Нынче здесь Астраханский морской порт. Здесь разгружаются танкеры «море – река» с иранской нефтью. Дальше «черное золото» потечет в Россию и в западные страны.

А продолжается главный проток прямо в море. Это Волго-Каспийский канал, в каких-то местах пересекающий острова, а где-то проложенный прямо по морю. Звучит довольно-таки странно: канал среди моря. Впрочем, ничего удивительного. Прибрежное дно здесь мелкое, а ведь течение любой большой реки выносит в море несметное множество ила и песка, так что корабли с морской осадкой пройти не смогут: непременно сядут на мель. Вот почему понадобилось углубить дно, проложить подводное русло.

Проложили канал в начале прошлого века, потому что шедшим из Баку тяжелогруженным керосинопаливным судам Альфреда Нобеля дно фарватера приходилось не по осадке. Сам же фарватер еще во времена Петра Первого обозначили бакенами как наиболее удобный выход из реки в море. Земснаряды ежегодно снова и снова углубляют канал. Причем некоторые острова вдоль русла – искусственные, образовались из намывных с морского дна глины и песка.

Конечный пункт Волго-Каспийского канала – знакомый нам остров Чистая Банка.

А теперь перед нами фотография самого последнего времени. Она сделана из космоса. Вот она – северо-восточная часть Каспия, сфотографированная со спутника. Вот она, рубежная Чистая Банка. Справа – Яик-Урал, слева – Волга, реки, впадающие в Каспийское море. Это – моя родовая земля. Весь мой род, все мои предки кочевали в приволжской степи. История и предыстория этого степного и речного края запечатлелись в моем сознании. Здесь завязались проблемные узлы и узелки тысячелетий, и сейчас, когда прошедшие века сменились новым столетием, самое время оглянуться, вспомнить большие и малые события, вспомнить людей, знаменитых и простых, прислушаться к урокам прошедших времен. К ним необходимо возвращаться, необходимо обдумывать.

Итак, на дворе 1883 год. Два года, как злодейской бомбой террориста-народовольца Гриневицкого смертельно ранен российский император Александр Второй, Освободитель. Его сын, Александр Третий, Миротворец, обещал при отсутствии беспорядков при его коронации облегчить участь государственного преступника Николая Гавриловича Чернышевского и перевести его в европейскую часть России, но оставить под надзором полиции. Чернышевского в 1883 году отправили в Астрахань. В старинном волжском городе у Николая Гавриловича нашлись единомышленники.

Правитель Астраханского ханства – Макаш Бекмохаммедов, человек высокообразованный, свободно говоривший на нескольких европейских и тюркских языках, читатель герценовского «Колокола» и некрасовского «Современника», воспитавший своих детей людьми передовых взглядов. Русская культура, русская литература

глубоко почитались в свободомыслящей семье прогрессивного астраханского правителя. Кстати, он являлся членом Русского императорского географического общества, был награжден российскими орденами, в конце жизни получил личное дворянство.

Макаш Бекмохаммедович на пять дней забрал Чернышевского из-под тайного и явного полицейского надзора и увез его в свою резиденцию, в собственную усадьбу Жанбай, село Ганюшкино.

За моим окном сияние, яркое сияние ночных огней изумительного города – привольного пространства мечтателей. Здесь хорошо и свободно в фантастической действительности чувствовали бы себя и Макаш Бекмохаммедович Бекмохаммедов, и Николай Гаврилович Чернышевский. Сердечного тепла и отзывчивости потомков хватило бы и на долю знакомой нам со школьных лет русской мечтательницы Веры Павловны, потому что все герои нашего повествования прекрасно знали, «что делать».

Начало прошлого, навсегда отошедшего в вечность столетия. Время, кипевшее невиданными мятежами, неслыханными переменами, время «в терновом венце революций». Эпоха плакатной риторики, чистосердечного грандиозно-космического стиля, веры в то, что «нам нет преград ни в море, ни на суше». И солнце вместе с поэтом «гоняло чай», и журнал «Юный художник» во всю страницу печатал утопические, так и не сбывшиеся проекты Дворца Советов – Вавилонской башни XX века. Тем не менее именно в те годы набирало силу и крепло благородно-созидательное мировоззрение, овладевшее впоследствии – через Великую Отечественную – молодыми людьми, в своей совокупности получившими наименование «поколение шестидесятников». К таковым шестидесятникам причисляю себя и я.

Потому и поступил в Казахский политехнический институт, потому и выбрал специальность металлурга, что стремился стать человеком, создающим нечто материально-полезное. А в действительности, будучи студентом, – впрочем, и до студенческих лет, – я с большим увлечением читал (и сам писал) стихи. Но по некоторым уважительным причинам, как сказал поэт, наступил «на горло собственной песне». Правда, на два века раньше другой поэт заметил: «Гони природу в дверь, она влетит в окно!» Как же он оказался прав!

И после окончания Казахского политеха я внезапно оказался комментатором Казахского телевидения.

Судьба мудро опекала меня. За прошедшие годы состоялись тысячи встреч, сотни судеб вошли в мою жизнь, подарившую мне дружбу с чудесными людьми, гордостью нашего народа. О некоторых мне довелось поведать в книгах и фильмах, о других надеюсь рассказать. Аскар Сулейменов и Салихиддин Айтбаев (Калжан) с Макумом Кисамединовым, Мурат Ауэзов и Сатимжан Санбаев...

Вот и возникло дорогое мне имя. Особо дорогое, и объяснюсь, почему. Прошедшие годы поневоле настраивают на созерцательно-ностальгический лад. Понимаешь, что в жизни было немало лишнего, перед многим остался в долгу, в том числе и перед благословенной памятью друга.

Так случилось, что в 2004 году нам довелось вместе участвовать в одной научно-публицистической экспедиции «Каспий: нефть и культура». Свое эссе о необыкновенном путешествии Сатимжан назвал «Экспедиция в настоящее». Однако настоящего без прошлого не существует, что можно понять из текста каспийского эссе: «Родные просторы разворачивались перед нами, мы их ощущали и слышали, они жили в нас, и мы словно летели в машинах по древним караванным дорогам, по которым когда-то ходили наши предки... Мы ехали по древним дорогам... где жил и трудился один из моих дедов, историк и этнограф, правитель

Первого и Второго Приморских округов Букеевской орды Макаш Бекмохаммедов, друг блистательного ученого Мухамбета-Салыка Бабаджанова, прозванного в народе “вторым Чоканом”. Об этих людях я сейчас пишу роман.

Последним побудительным толчком к написанию заветного романа послужило посещение во время экспедиции кесене моего деда Макаша Бекмохаммедова, в урочище Акжал, недалеко от холма Каракшы-тюбе, где когда-то находилась его ставка...»

Признаюсь, книга «Каспий: нефть и культура» очень помогла в построении первой части «Пятого сна». «Каспийские главы» обернулись ностальгическим воспоминанием об экспедиции, о Родине, о живых легендах Каспия. Как документально-иллюстративное приложение к экспедиции позднее в Национальной библиотеке РК в Алматы была развернута большая выставка фотографий «с места событий».

Часть первая

ВЫХОЖУ Я В ПУТЬ, ОТКРЫТЫЙ ВЗОРАМ...

1. ИППОКРЕНА И АКРОПОЛЬ МАНГЫШЛАКА

Начиная говорить о «полуострове сокровищ» – великого собрания свидетельств многотысячелетнего духовного возмужания и интеллектуального возрастания цивилизации, непременно вспоминаю моего покойного друга, талантливейшего Алана Медоева. «Этот полуостров, – утверждал Алан Георгиевич, – занимает исключительное место в проблеме генезиса казахской культуры. Здесь стены ее Акрополя, и здесь ее Иппокрена». Спасибо Медоеву, прозревшему в степном пространстве Мангышлака вершины древнегреческой культуры.

Однако здесь, на восточном побережье Каспия, столетиями создавалась неповторимая культура. Начинали евразийское культурное строительство скифские племена, позднее в прикаспийские степи пришли кочевники. К середине прошлого века ученые подсчитали, что в Мангистау сосредоточено примерно три четверти археолого-исторических памятников страны; найдены тысячи наскальных изображений – редчайшая художественная галерея многих веков, драгоценнейший клад, источник бесконечных открытий в области истории, археологии, литературы и психологии творчества.

О драгоценности данного собрания под открытым небом («Спешите, спешите, первооткрыватели и исследователи!») есть замечательное свидетельство: каноны традиционного ислама наложили вето на изображения человека и животного мира. Однако наследники гуннов и скифов не согласились с таким сокращением источников художественно-изобразительного творчества. Впрочем, тогда им еще не с чем было соглашаться – их появление на этой земле опередило ислам на два тысячелетия. Представьте на мгновение, что в мире исчезли шедевры ирано-персидской живописной школы. Страшная потеря!

Тем не менее ограничение в праве на изображение привело к появлению сотен подземных мечетей и мест поклонения святым – Бекет-ата, Масат-ата, Шопан-ата, Шакпак-ата... Поток паломников не иссякает...

А Великий Шелковый путь! Вереница архитектурных созданий: приюты для путешественников, военные крепости, скотоводческие аулы, ремесленные мастерские. Огромное приобретение для евразийского мира, оставшееся в исторической памяти. И громадный арсенал легендарных сказаний.

К примеру, весьма почитаема у казахского народа такая притча. По воле Всевышнего на казахской земле возникли три жуза (родо-племенных объединения). Старший жуз получил от Создателя посох, чтобы скотоводы управлялись с несметными стадами, представители Среднего жуза взяли в руки калам (перо), чтобы овладеть искусством высокого слова и справедливого спора, а Младшему выпала судьба всеобщего защитника.

Общаясь со сверстниками, я неоднократно становился равнодушным свидетелем и участником пламенных разговоров, кто к какому роду принадлежит, какие у кого предки и чем они славны. И в какие непроглядные глубины времени мы забирались, как были счастливы, по-родственному соприкасаясь с норовистым течением истории. Как прихотливо и привольно переплетались в наших молодых судьбах все эти родоплеменные подробности происхождения. История – живая, полнокровная, в которой находилось место каждому, максимально приблизилась, перестала быть скучной, маловразумительной мешаниной дат и фактов.

Легенды, легенды... И наша экспедиция началась с посещения областной мечети великого просветителя Бекет-ата.

Еще одно имя святого – Темир-баба. Вот как о нем говорит предание. Прекрасный пловец Темир-баба переплывал море, вслед за ним море обращалось в сушу. Таково происхождение Кендерлийской косы.

Главным человеком первой части стал Сатимжан Санбаев. Только теперь, после его преждевременной кончины, лучше, полнее понимаю его цельный характер, вспоминаю, как протекла его скромно-праведная жизнь, восстанавливаю в памяти наши многочасовые собеседования во время необычного и непредвиденного, к счастью, случившегося каспийского путешествия. «По дороге» постараюсь кое-что восстановить из наших разговоров, как раз по слову Сатимжана, неоднократно напоминавшего о высоком долге перед ушедшими. Когда мой друг тревожил мою память вопросами о моем общении с Аланом Медоевым, с Аскарсом Сулейменовым, другими покойными друзьями, мне и в голову не приходило, что Сатимжан осторожно, деликатно заботится о том, чтобы мгновения, периоды нашего общего, молодого и зрелого бытия не исчезли из моего сознания, здорово пострадавшего на протяжении общественной деятельности и долгой, можно сказать, успешной журналистской карьеры.

Майский путь 2004 года привел нас в некрополь святого Темир-баба.

Размышления Сатимжана: «Прекрасная традиция в мире существует многие столетия – почитание святых: праведников, отшельников; всевечная память – защита прошлого. Читаешь жития мусульманских ли, православных ли святых, вникаешь в устные предания, понимаешь, что все это составляют особенные слова, которые в обыкновенной жизни нечасто нами используются. А они, как оказалось, нужны, улучшают, укрепляют нашу личность, расширяют наше миропонимание, поднимают на новую высоту наше мировоззрение.

Святые Мангышлака...

Довольно часто размышляю теперь о святой земле Мангистау, последнем приюте многих и многих ревностных последователей исламского вероучения. И знаешь, о чем больше всего жалею? Нет, нет, не о прошедшей молодости, – как там у обожаемого Бунина? – «как о воде протекшей, будешь вспоминать»... Или что-то вроде этого... Нет, представь себе, что здесь, на земле, меня вскормившей и вспоившей, не видели меня десятки лет. Очень плохо это...

Мне, написавшему раннюю, прогремевшую повесть как раз о Мангышлаке, на крутой волне тогдашнего успеха захотелось... Ах, какие мы все максималисты

в юные-то годы!.. Да, захотелось успеха всеокрушающего, захотелось взять в руки эпопею собственного изготовления, некую производственно-промышленную «Илиаду»... Отправился на огромный завод, с большим желанием вникал в производственные подробности... Производство получилось, меня хвалили. Да и я был собой доволен... И прошли годы... Но вот здесь, в окружении священных теней, когда тебя настойчиво обступают малоизвестные, а то и совсем неизвестные судьбы святых людей, понимаешь, что кроме тебя некому и возратить драгоценные свидетельства прошлого.

Начинаешь задумываться, и постепенно в твое повседневное, обыденное, тебе самому надоевшее бытие вступают Темир-баба, Шопан-ата, наконец, генеральный – прости мне громкое слово нынешнего времени – мангышлакский небесный наш покровитель святой Бекет. Послушай, ведь как-то соотносятся должник перед друзьями и должник перед святым воинством. Что-то же есть общее. И все они остались только в памяти, завещав наследникам беречь облик, и душу, и нравственные правила ушедших. Почему меня так тревожит давняя жизнь Макаша-правителя, словно предок оставил завещание конкретно мне, вот только я неаккуратно распорядился завещанным?

И мои живые воспоминания переплетаются с легендарными рассказами. И каждый интересен на особицу.

К примеру, прекрасная легенда, загадочная. Здесь, на Мангышлаке, и в нынешние годы XXI столетия – всё таинственно, но эта как-то эпически таинственна. Наш Шопан-ата из Мангистау – мюрид Ходжи Ахмеда Яссави, ученик, значит, не подмастерье ремесленника, а, так сказать, последователь с кандидатским стажем, с испытательным сроком, с правом впоследствии занять место наставника. Учитель споконно правит свое святое ремесло, убежденный, что, прости за вольный текст, свято место пусто не останется. И передает, вкладывает, делится... Все свои сокровенные знания, весь свой драгоценный житейский опыт. Ничего не скрывает, дарит душу...

Так вот, начало легенды происходит в Туркестане. Здесь праведный Яссави бросает на землю свой любимый посох. Вскоре непонятным образом дорогая вещь Ходжи исчезает. А за много-много верст – или километров, как хочешь, можешь и фарсангами измерять прикаспийское пространство, неважно, – на месте, где впоследствии возникнет культ поклонения Шопан-ата, начинает расти мощное тутовое дерево. Плодоносящее... На мой взгляд, рассказ о посохе – ключевая легенда суфийского учения. Конечно, знак Божий даже человеку с высшим советским образованием понятен и осознаваем им, и вскоре вблизи тутовой роскоши в мангышлакской пустыне построена мечеть.

С той поры этот мусульманский храм, осененный благодатным посохом Ходжи Ахмеда Яссави, – приют истинно верующих людей, больше всего, конечно, местных уроженцев. Забредают сюда и странствующие богомольцы... издали... Конечно, впечатление потрясающее, на всю жизнь... Меня потрясшее тоже... И наших спутников по культурно-нефтяной экспедиции...»

Я напомнил:

– Так ведь мы, Сатимжан, еще в самом начале нашего путешествия...

– Долгожданного, заметь...

– Да-да... Долгожданное мгновение – великий молчун Сатимжан обрел вольную нескованную речь, и мне хорошо слушать тебя. Пользуясь благоприятной минутой, хочу спросить... Ты назвал Шопан-ата мюридом... Так что ты думаешь о мюридах?

– Много думаю... Объявление кого-либо мюридом – благословение человека старшего по знаниям, по опыту, по преданности избранному служению. Это слово

очень много смыслов имеет, эти смыслы, знаешь, они нескончаемы, нанизаны на твое воображение, это как перебирание четок... Только перебирание смыслов – не бездумное занятие.

– Слушай, в увлекательных разговорах мы отстали от наших спутников... Вон они оглядываются на нас: где застряли эти разговорчивые ребята – четыре кошकारа им интереснее...

– Естественно, эти круторогие бараны-кошкары – просто культовые богатыри-батыры, даром, что принадлежат к степной фауне... А тут два хилых пожилых дяденьки, да еще в очках, что в них интересного. Тем более что они еще не расстаются с нами, а вернемся ли мы сюда, в этот некрополь, Аллах ведает... У меня, скорее всего, не получится...

– За подобным предположением не стоило сюда...

– Да-да, все правда... Некрополь навеивает... Попробуй в городе мертвых пре-небречь разными невеселыми размышлениями...

– Однако сам-то некрополь, как и большинство мангышлакских ритуальных захоронений... музейного класса строение...

– Бесспорно. Некрополь при неторопливом рассмотрении... Каждый некрополь – собрание разных традиций, верований, произведений талантливых безымянных скульпторов, резчиков по камню, мемориальных архитекторов, как, например, Максут Нарibaев. По его замечательным эскизам возведены мавзолеи Курмангазы и моего деда Макаша. И эти культовые сооружения... присмотришься попристальнее... они как бы продолжение мангистауских надгробий.

Максут тонко почувствовал небесную духовность и земную силу проникающей сюда издалека суфийской изощренной неповторимости.

– Сатимжан, ты нашел бы брата по разуму в средневековом суфийствующем паломнике... Ты никогда не хотел стать отшельником в дальнем углу евразийской ойкумены?

– Оставим такие любопытные или, скорее, любопытствующие предположения за скобками. Пошли к машинам, нас давно призывают отправляться в дальнейший путь.

Экспедиционный маршрут привел нас к главной святыне Мангистау – мечети святого Бекета. Напомню читателю «Пятого сна» вехи жизненного пути праведника.

С молодых лет Бекет – отважный, храбрый воин и опытный, умелый полководец. Живи Бекет, рыцарь без страха и упрека, в наши дни, скорее всего, обрел бы славу легендарного Бауыржана Момышулы, стал бы и нашим коллегой по перу, автором книги в серии «Военные мемуары».

А в XVIII веке (Бекет родился в середине столетия, в 1750 году) будущий святой, «земную жизнь пройдя до половины», оставил бранные труды и ратные победы за гранью прожитого срока и приступил к овладению суфийской мудростью. А в крепком скальном грунте вырубил подземную мечеть. Наверное, и святыне истины стоит высекать на камне, на пергаменте, в человеческом сознании с такими же многолетними тяжкими усилиями: на века!

Насмотревшись на мемориалы Темир-баба и Шопан-ата, пришли мы и в святое подземелье вечной памяти святого Бекета. «Пришли» – это слишком задорно и лихо заявлено. Долго и осторожно мы, поддерживая под локоть друг друга, спускались по ступенькам извилистой лестницы (о, как прихотлив ее искусный чертеж!), вырубленной великим тружеником Бекетом в избранной скале.

Потом, в гостинице, обменивались впечатлениями и мнениями. Меня все охватывали литературные ассоциации от «Песни о вешем Олеге» («Бойцы вспоминали

минувшие дни...») до «Тараса Бульбы» («Казачи возвращались в Сечь и говорили о храбром полковнике...»). Многих навсегда отсутствующих вспомнили, но все больше первооткрывателя наскальной графики Мангышлака – Алана Медоева.

2. АЛАН МЕДОЕВ

Вспоминался незабвенный Алан Георгиевич в светло-пепельном облаке еще не стугившегося табачного дыма, конечно, с неизменной сигаретой, казалось, навечно зажатой между указательным и средним пальцем правой руки. Вечный огонь-огонек иноземного факела под звонким наименованием «Мальборо».

Сатимжан Санбаев дружил с ним долгие годы, потому каждое его слово опиралось на точное знание. И никто не хотел перебить его и вставить свое слово или вопрос.

«Я всегда восхищался Аланом-умницей, Аланом-мудрецом, Аланом – добрейшим другом, Аланом – великим археологом. Каким несгибаемым характером надо было обладать, каким невероятным терпением, пробираясь палящими летними днями (а зимой выдержать студеной мангышлакский суховея, приправленный лютым степным морозцем, городскому человеку вообще невозможно) от скалы к скале, брести в нескончаемых песках безбрежной прикаспийской пустыни.

Мне мыслится, что понятие родины не стоит трактовать однозначно-ограниченно, как место рождения. Оно, конечно, чувствительному человеку дорого, и чем больше он оберегает память о мгновении, об обстоятельствах своего рождения, тем прочнее, тем богаче и обширнее его, по слову Пушкина, «самостояние».

Однако судьба довольно часто, особенно во времена нынешнего «великого переселения народов», отправляет людей в разные места, в разные страны. Иногда, переселяясь, человек находит кусок земли, к которому прирастает сердцем и душой. Эта часть земной суши как бы предназначена именно для него, и здесь будничные заботы, обыденные тревоги за завтрашний день не мешают возвышенному умонастроению, не препятствуют «усовершенствовать плоды любимых дум».

Так возникает понятие «малой» или «второй родины».

А вот в жизни Алана Медоева все произошло по-другому. Проходя древними тропами, проложенными редкими караванчиками от одного колодца до следующего, а часто просто шагая в пустынном бездорожье, Алан Георгиевич создавал собственную родину. Он любил эти полузанесенные крошечные островки в почти безжизненном пространстве, понимал, с какой надеждой, изнемогая от жажды, с пересохшим, каменно затвердевшим горлом, путешественники стремились к желанному источнику, страшась трагедии, неизбежной, если колодец оказывался засыпанным или отравленным. Однако для археолога божьей милостью в XX столетии драгоценными являлись иные созидательные следы давнего человеческого бытия: наскальные рисунки, истинное сокровище полуострова.

Возможность открытия есть в каждой части земного пространства. Тем не менее мало кто может сказать о себе: «Я – первооткрыватель». К скромному Алану Георгиевичу это гордое слово очень подходит, хотя он о себе так никогда не говорил. Просто после него живет в мире замечательная монография «Гравюры на скалах» – великолепное безмолвное свидетельство жизни здешних кочевников и пришлых как мирных, так и воинственных людей. Эти вечные скалы, ставшие своеобразным «холстом», рабочей поверхностью для художественного инструментария древности, на своем долгом-предолгом веку повидали немало.

О неудержимом беге времени – стоит только прислушаться – напоминают то монотонные, то взрывные морские шумы. Они действуют то повелительно-

примиряюще, успокоительно-усыпляюще, то, наоборот, обрывают бестревожное течение размышлений, и в такой громокипящей, широкошумной бодрости все больше печали и пронзительного разочарования.

Нет-нет, пусть смерчи, штормы и ураганы обойдут нас стороной, пусть Каспийское море катит и катит свои однообразные водные валы, нарядно украшенные мимолетными белыми оторочками, пусть это вечное «Там на заре прихлынут волны...» не вгоняет нас в обреченность и что-нибудь иное, столь же нежелательное, а вдохновляет не подчиняться унынию, дерзать, сопротивляться, строить и мечтать.

Да, редкой понятийно-смысловой наполненности, первоклассной археологической выучки и долгой полезности книга «Гравюры на скалах». Представляю, какой радостью наполнились бы душа и сердце великого систематика-самородка Макаша Бекмохаммедова, если бы в его бережные руки попали медоевские «Гравюры». Ведь за его этнографические разыскания деда моего приняли в Русское императорское географическое общество. А кропотливое составление шежере – родословной! Ценнейшая черта коренного казахского характера...

Мне вот что сейчас пришло в голову.

Наверное, не раз и не два застывал Алан перед очередной графической находкой, страстно желая определить авторство рисунков...

Вспомним, кого и чего только нет в уникальном альбоме с комментариями – поразительной ценности альбоме Алана! Доисторическая живность: верблюды, бараны... Какое это грандиозное увлекательное предприятие – распознавать то или иное животное, тот или иной предмет в прелестно-грубых набросках мастера, жившего несколько тысячелетий тому назад.

Художник («имя его неизвестно») закреплял на камне, еще не имея стального клинка или остря, чтобы нацарапать нечто с природы, объекты охоты. Изображение магического предназначения являлось отчетом о добытом охотничьем трофее, а также о том, кого именно можно было в дальнейшем приручить для пещерно-домашней надобности.

Понимал ли, догадывался ли добрый человек в звериной шкуре, что здесь, на пустынном камне, он кладет начало великому мировому изобразительному искусству? Можем только предполагать».

Кстати, внезапное воспоминание... Сейчас, когда пишу, горюю от неизвестности: читал ли бывший советский школьник Сатимжан Санбаев «Приключения доисторического мальчика»? Странно, очень странно, но в нынешнее воспоминательное мгновение легко вспомнилось имя автора, которое не было на слуху и на глазу больше пятидесяти лет – д’Эрвильи... Макашу-то Бекмохаммедовичу эта детская книжка известна не была, а вот материала для нее имелось вокруг правителя предостаточно.

Интересно, какие книги предпочитали в семье правителя?

Сейчас наша важная тема – «перейти на личности». Иными словами, в коллекции доисторических, разбросанных там и сям шедевров имеются изображения мужчин и женщин.

Мне мыслится продолжение «Гравюр» – книга-альбом «Наскальные имена». Хорошо было бы вернуть из безвестности авторов доисторической графики; столь же любопытно было бы знать, как звать тех безымянных охотников, весь человеческий круг, безмолвно застывший на бугристой каменной поверхности.

Действительно, одно дело – просто индеец, другое – Монтигомо Ястребиный Коготь или Бампо Соколиный Глаз.

Однако мы увлеклись мечтаниями, которые я не решусь назвать бесплодными. Они призывают не расставаться ни с наскальной монохромной живописью, ни с редким по полноте собранием родословных сведений. Необходимо постоянно с разных сторон подходить («прицениваться») и к шежире, что составил Макаш. Уверен, прибавление первоначально-пустынных артефактов и лаконичных фрагментов многосоставной биографической хроники неизбежно.

Продолжу отчасти итоговые размышления.

Присоединяю собственные рассуждения к тому, что в начале тысячелетия проносил Сатимжан.

Признаюсь, только теперь, работая над текстом-мозаикой «Пятый сон», осознаю, какими малоподготовленными, слабовооруженными специальными знаниями мы, наша дружная команда, пустилась в путь. Нет, конечно, один только историк-энциклопедист Марат Сембин дорогого стоит. И все-таки, и все-таки... Скажем, можно было заранее подобрать перечень печатного материала о полуострове, так сказать, мангышлакскую библиографию. Ведь подобной не существует и по сей день.

Или того лучше и нужнее – составить небольшую хрестоматию, комплекс знаковых цитат, научных и художественных. Там наверняка найдется место не только поэтически настроенному Б. А. Федоровичу. Отрывок из его книги «Лик пустыни» уже украшает «Пятый сон». Только побаиваюсь, что это несмелое мечтание не очень-то и осуществимо.

3. ПУНКТИРЫ СВЯТЫХ МЕСТ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ

Недолго длилось наше путешествие, задуманный маршрут, которого приходилось придерживаться, неумолимо поторапливал нас, и все-таки время от времени неудержимо хотелось остановиться, разобраться во впечатлениях, послушать самого себя, остаться наедине с собственной встревоженной душой. Некоторые впечатления просто призывали к одинокому размышлению.

Скажем, совершать это на территории населенного пункта, в прошлом имевшего наименование форт Александровский. После Октябрьской революции – форт Шевченко. Обрадовался бы ссыльный поэт такому переименованию, бог весть. Хорошо хоть, оставили в неприкосновенности каторжное жилище Тараса Григорьевича.

Оно – тесное, с низким потолком, с крохотным окошком; чтобы осмотреть его, пришлось забираться в него по два-три человека: не повернешься. Небольшая скамья, полка для хозяйственной утвари, место в красном углу для иконы. А тусклая свеча в вечерние и ночные часы разогнать подземный мрак не могла. Поистине, по слову Пушкина, «каторжная нора». Ни читать, ни писать ссыльнокаторжному не разрешали.

Семь лет мангышлакской ссылки – знаковое библейское число.

Можно предположить, что дотошный правитель Приморских округов не только имел представление о пребывании на Мангышлаке поднадзорного поэта, но также свел знакомство с опальным человеком. Вполне возможно, по крайней мере, в повести «Пятый сон», что, будучи в Петербурге, Макаш Бекмохаммедович нашел возможность воочию увидеть знаменитый портрет Василия Андреевича Жуковского работы «Карла Великого» – Карла Брюллова. На деньги за эту картину, собранные вкладчину, по подписке, выкупили малороссийского крепостного крестьянина Тараса Шевченко. Может быть, любознательный и неравнодушный Макаш даже побывал в мастерской Брюллова или посетил Русский музей.

Друзья Шевченко не покинули поэта в беде: выхлопотали ему разрешение участвовать в должности рисовальщика в топографической экспедиции по Аральскому морю. Позднее Тарасу Григорьевичу позволили оставаться художником и на Мангышлаке. Больше двухсот живописных работ – вот с каким творческим багажом вернулся Шевченко из ссылки; более ста пятидесяти – это люди и пейзажи полуострова.

Относительно милосердный вариант – «каторжник в отпуске» – неприметно, ненарочито вошел в сознание Макаша, помог ему через годы с большей уверенностью отпросить поднадзорного Чернышевского на пять совершенно свободных дней.

Нужны, очень нужны такие остановки, такие передышки, как наше каспийское культурно-нефтяное путешествие. Необходимо не мчаться безоглядно, бездумно набирая некрупные задачи и мелкие планы, спотыкаясь на бегу, забрасывая ближних необязательными торопливыми монологами, а замедлить свои действия, прислушаться к глубинному содержанию собственной души. И дружеской также...

А наши экспедиционные джипы, позволяя пассажирам лишь слегка подремывать в пути, квартетом на колесах взяли курс на Жана-Озен и Жетыбай. Эта поездка – не столько географического характера и смысла, сколько исторического. Сама история здесь в легендарном ореоле.

Степенность и размеренность речи нисколько не мешала Сатимжану забрасывать всех нас сюжетными конструкциями, реальными и вымышленными житейскими рассказами. Он готовился к крупноразмерной, широкомасштабной прозе, примерялся, прикидывал. Друзей использовал беззастенчиво – когда еще соберется вместе такая представительная в интеллектуальном и духовном смыслах компания!

Санбаев именовал спутников «коллективом» от слова «коллега». «Коллеги» засыпали и просыпались с очередным сатимжановским заданием, встречались за утренней и вечерней трапезами, еле сдерживаясь, чтобы не выдать заранее припасенное для «работодателя», скажем, название романа о его прямом предке. Никакое название не браковалось терпеливым заказчиком. Спокойно выслушивал, – предположим, роман «Правитель» или «Путь Макаша», – дружеского вдохновения не остужал. Невозмутимый Сатимжан – аристократ до мозга костей, британский джентльмен по повадкам (хоть прямо с каспийских знойных берегов в прохладно-дождливый Лондон, в палату лордов) – предлагал продолжать поиски.

В коридор стандартной актауской гостиницы неисповедимыми путями закинут облезлый книжный шкаф. Книгами забит, натолкан. И вот путешественники, в которых образец высокомерного изящества – надменный Сатимжан растревожил дремлющую энергию словесного творчества, бросились наперебой выцарапывать из шкафа тома и томики да растрепанные до невероятной степени журналы.

Нам было невдомек, что наш чинный вдохновитель также оказался во власти разбуженной энергии. Каким-то образом стало известно, что, возвратившись из экспедиции, принялся-таки автор промышленно-заводского эпоса, чуть ли не трилогии, за новую письменную работу. И вроде набралось около тридцати страниц...

И оборотились эти мифические сатимжановские страницы, так и не найденные в архиве рано ушедшего из жизни сочинителя, еще в одну мангышлакскую легенду. К сожалению...

Как нужны именно сейчас подобные экспедиции, как необходимо собирать драгоценные крупы прошлого, возвращать народу его достойных сыновей... Святой долг потомков... Он крепко осознан и принят к исполнению Сатимжаном, взявшимся за жизнеописание необыкновенного человека, Макаша Бекмохаммедова, служащего правительственной администрации по должности, а по существу – талантливого государственника, умного, справедливого, не позволившего

заезжим миссионерам разрушить вековые религиозные и общественные традиции казахского народа.

Не довелось Сатимжану Санбаеву порадовать читателей «Книгой о моем деде». Дай бог, чтобы такая книга все-таки появилась.

А сколько столь же дорогих его сердцу замыслов и писательских намерений было дополнительно высказано, да не осуществилось.

Запомнилось мастерски переданное повествование (писал бы Сатимжан детективные романы, круто преуспел бы!) о побеге Мустафы Шокая из Советского Туркестана. Безвозвратное расставание политического эмигранта с землей предков... Отправной-то пункт как раз здесь, где мы вглядываемся в необозримую каспийскую ширь. А маршрут: форт Александровский – Баку – Тифлис – Стамбул – Париж.

Наш дальнейший маршрут от форта Шевченко до конечного завершения в Астрахани не столь длителен. Пока мы ехали в Ташмалы, за тридцать километров от форта Шевченко, Сатимжан или кто-то из путешественников, вдохновленный горячей образностью писательских сравнений и сопоставлений, произнес: «Созвездие пророков». Конечно, имелись в предмете перво-наперво светочи казахско-тюркской культуры, высшего реформаторского класса личности, преобразователи и отважные первопроходцы: Илхан Букейханов, Ахмет Байтурсунов, Миржакып Дулатов...

Ироничный Сатимжан мягко уменьшил температуру пафосного высказывания: «Сравнение с плодоносящей виноградной гроздью точнее подойдет...» Той минутой наша экспедиционная группа разбрелась по бережку небольшого озера, в котором дрожит веселой рябью малое водное зеркало. Спокойствие его нарушают беспрерывные капли. А летят они с пятидесятиметровой высоты. Крохотная, постоянная, не знающая перерыва капелька из незаметного родничка под скалой.

Не стоит забывать, кругом, в какую сторону ни посмотри, – пустыня, издалека доносится знойная кипень раскаленного, песочно-каменного, губельного плато Устюрт. Только на западе мощно расхлестывает издревле бегущие и бегущие волны Каспий. Зато здесь под шлепающие звуки вечной капли приютился миниатюрный оазис, словно любовно лелеемый бабушкин садик. Веет нежным мятным запахом, уютно расположились одуванчики на полупрозрачных зеленоватых стеблях, к корням разлаписто прилегли листья подорожника; здесь нашел пристанище тысячелистник.

«Ветер, ветер на всем белом свете...»

Жестокий бесплодный ветер, пролетев над Мангышлаком, над Каспием и дальше над древними европейскими землями, добрался до Испании, посыпал Иберийский полуостров морской аральской солью. Нет, милые скромные растения средней полосы России, поднявшиеся здесь, в оазисе Ташмалы, благодаря чудесно возникшей в пустыне родниковой капли, выросли из стойких семян, которые принес благословенный ветер с речных лугов и лесных опушек.

Заканчивается первая половина нашего неповторимого путешествия, и мы, вдоволь всего разного насмотревшись и навидавшись, отчасти даже перенасытившись многими редкостными впечатлениями, но все-таки готовы и дальше – смотреть, запоминать, впитывать. Еще одна прикаспийская местность, еще одна историко-географическая мета на карте нашего давно составленного маршрута – Жетыбай (семь богатеев, что ли, семь олигархов)...

Про нефть, про полезные ископаемые и подземные кладовые – про это читайте в другом месте, это тема иного романа – есть же и прочие сочинители на свете. А мы сейчас на территории еще одного некрополя – Масат-ата. Что такое некрополь без сопровождающей легенды, без строгой, приличествующей месту истории? Поистине архитектурная и скульптурная мемориальная экспозиция. Порой даже

музейного толка. Немало. И печальные надписи – также принадлежность любого некрополя. И все-таки не стоит пренебрегать живым, не затверженным раз и навсегда словом. Текст легенды на протяжении столетий постепенно меняется, зато победная жизнерадостность целехонька.

А вот с Масат-ата приключилась следующая история.

Извечные враги казахов калмыки добрались и до прикаспийских степей. Масат-ата, как и его сотоварищ по служению людям Бекет-ата, – мужественный храбрец воин великой отваги, беззаветно сражался с иноземными завоевателями. Окружили Масат-ата беспощадные калмыки, некому было защитить святого подвижника, турецкой острой саблей отрубили праведнику голову. Искалеченный воин не растерялся, выхватил из рук безжалостных палачей отрубленную голову, вскочил на ближайшего коня и мгновенно исчез вместе с конем-спасителем «под тюркской звездой кочевой». Глубокие следы крупных конских подков сохранились до сего времени.

Знаменательно, что на русской земле примерно в те же годы народное воображение создало летописную легенду о Меркурии Смоленском. Святого также обезглавили, и ему пришлось брать в руки отрубленную голову, но если мусульманские каноны не позволяли изображать подлинные или выдуманые истории и характеры, в христианском вероучении такие запреты не существовали. Невозможно представить иллюстрации к Корану, подобные великому графическому библейскому эпосу Гюстава Доре, зато собрание картин, рисунков, набросков и эскизов христианского содержания только в мировых музейных хранилищах – необозримо.

Поэзия сопутствовала экспедиции, и неспроста. Наш Сатимжан, по примеру старшего собрата Чингиза Айтматова, назвавшего свой роман строчкой Пастернака – «И дольше века длится день», собственную повесть (прозаический дебют Санбаева) окрестил «И вечный бой», «одолжившись» у Блока. И как много родственного в айтматовском родовом кладбище Ана-Бейит и любом мангышлакском некрополе.

Литературных ассоциаций и переключек в каспийском путешествии оказалось намного больше, чем можно было бы предположить. Но даже представить было невозможно, какая приятная неожиданность дожидалась нас в Актау, в обыкновенной средней школе.

Школа-то обыкновенная, но вот учительница казахского языка и литературы вообще не рядовой школьный педагог. Она помнит на память многие страницы романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая». Время от времени она читает наизусть романские сцены и эпизоды. В исполнении самоотверженной учительницы воскресла древняя традиция... Сказители и в старину, и в наши дни, произнося сотни страниц художественного текста, письменной поддержкой не пользовались.

Размышляя об этом нравственно-интеллектуальном подвиге, не столько восхищаешься, сколько испытываешь чувство благодарности к счастливому человеку, принявшему в свою душу, в свое сознание главный казахский роман. Какая преданность и автору фундаментального произведения, и трагическому герою... Опять-таки как знаменательно, что в центре «Пути Абая» – поэт, великий поэт, основатель, можно сказать, традиции письменной поэзии.

Самое замечательное, что учительница не осталась пленницей «устной эпопеи». Уроки уроками, как и классные часы, вечера, состязания, концерты, импровизированные музыкальные номера. Все это осуществилось, есть в настоящем времени и, конечно, перейдет к новым поколениям учащихся. Но учительнице всего этого оказалось мало. Она – автор интересных, обстоятельных литературоведческих трудов.

Знакомство с учительницей, единственной в своем роде, с ее прилежными учениками – одно из самых светлых впечатлений неповторимой экспедиции «Каспий: нефть и культура». К сожалению, действительно неповторимой – за двенадцать прошедших лет не нашлось возможности столь важную, целенаправленную поездку совершить вновь.

Прибавлю, что после прошедшей по экспедиционным следам капитальной, оснащенной многими первоклассными фотографиями одноименной выставки так и не появилось ничего дополнительного – ни хроникального (день за днем) отчета, ни дневников, ни записей, ни воспоминаний и очерков. Нелишне было бы узнать, каким новым исследованиям придан творческий импульс экспедицией «Каспий: нефть и культура».

Путешествие по святым местам продолжается... Это – своеобразные убежища, отстраненные от повседневности, а наша честная компания как бы переходит из-под покровительства одного праведника под патронат следующего. Небесная опека продолжается, и на сегодняшний день мы особенно поминаем святого человека Шакпак-ата.

Так добрались мы еще до одного храма, где вспоминали Кенты-баба.

И эта мечеть, аккуратно, без спешки и надсады вырубленная в скале, также скромно, с достоинством привлекает своей непохожестью. Мастер, соединивший в себе архитектора и каменотеса, соорудил мусульманский храм в форме латинского креста. Надежная опора свода центрального помещения – четыре дорических колонны (вот в какие дальние края донеслось плодотворное дыхание античной Греции!), стены мечети изукрашены арабскими надписями – можно не напрягать память, припоминая молитвы, а читать, словно по книге. Так ведь за столетия не просто письма оставались после очередного каравана, но и изящные рисунки, потом переходившие под искусными руками степных ткачих в драгоценные туркменские ковры.

Присмотрелся: в тихом (все вошедшие и поместившиеся умили голос) храмовом помещении, в благословенной прохладе храма – знакомые силуэты... Ах, да – уединились Мурат Ауэзов и Сатимжан Санбаев. Пауза, внезапный перерыв... Что-то возникло в душах быстроминутное, но очень важное, оформилось высказывание, не терпящее отлагательства...

Подумалось – ассоциации-то соответствующей обстановкой навеяны: протекает в добре и согласии мимолетная мирная беседа двух исламских провозвестников (конечно, каждый другого неправоверным еретиком мыслит, как суннит шиита). Сосредоточены лица недолгих собеседников, чувствуется, что они на верном пути к желанной истине. И, распри позабыв, они, обнявшись, покинут святое убежище, где в друге нашли еще и соратника-философа.

Не стал мешать диалогу в храме, только глазами поискал, далеко ли наш прилежный «фотокадровый» летописец, умелец с аппаратурой Саша Павский – он принял на себя обязанность запечатлеть все мало-мальски интересное, тем более захватывающее. Позднее, в Сашиной лаборатории, что в офисе Казинформа, устроился за компьютером и, не покидая редакционного кабинета, вновь совершив наше замечательное путешествие от мечети Бекет-ата до православной церкви в Астрахани.

А пока, выйдя за порог мечети, вижу, как экспедиционный фотограф Александр Павский карабкается по склонам близлежащего ущелья. Теперь-то, работая над текстом «Пятого сна», могу сказать, что в данном ущелье, заросшем боярышником и шелковицей (они окружают небольшой родник), дотошно обследованном нашим товарищем, ничего особенно любопытного так и не нашлось. Впрочем, маленькая

тайна безымянного ущелья осталась: на его краю расположилось пустое помещение в два этажа неразгаданного предназначения. Тайна эта пока осталась для последующих экспедиционных путешествий. Может быть, и разгадают...

По пути из Актау в Атырау мы попадаем в Аралтобе. Здесь найден второй «золотой человек» на территории Казахстана, его можно назвать «братом» семиреченского «золотого человека».

Осмотрели мы и мавзолей великого просветителя святого Бекета. Вообще, «минальный раздел» нашей многодневной экспедиции прочно запомнился еще и тем, что дальше прошлое восстановилось как необходимая часть жизни, постоянно призывающая действовать воображение.

Тем не менее мы смогли погрузиться и в ближние прошедшие времена. Здесь на нашем экспедиционном пути и на начальных страницах «Пятого сна» возникает славный поселок Доссор.

4. МОНОЛОГ СТАРОГО НЕФТЯНИКА

Болезненный Сатимжан, через силу собравшийся в дальнюю дорогу, к дорогим местам детства, почему-то именно в Доссоре почувствовал прилив писательского вдохновения. Наш товарищ, обычно не баловавший спутников щедрым участием в беседах, все больше внимательно, настороженно даже выслушивающий собеседников, здесь преобразился.

По правде говоря, «почему-то» сказано напрасно. В Доссоре мы встретились с ветераном местного нефтяного промысла по имени Серго. И Сатимжан не раз впоследствии припоминал увлекательные рассказы доссорского старожилы.

– Послевоенное десятилетие моего детства – как золотой самородок в нагромождении рудной породы. Мне и моим приятелям-пацанам вольготнее и счастливее, чем в поселковом парке, не было нигде. То была территория, можно сказать, режимная: забредавшие порой чужаки, как ни старались держаться отважно и независимо, как ни пускали дым в глаза, в прямом и переносном смысле, вскоре покидали враждебную землю. Ничего, что папиросами «Беломор» набивали коробку из-под курева подороже – «Казбек», скажем, или «Ява». К заоблачной экзотике относилась загадочная «Герцеговина Флор». Чудом попадавшие дорогие папиросы, распространявшие запах невероятной душистости, никто бы не посмел раскурить один. Нет, такая папироса требовала коллективного священнодействия, являлась своего рода «трубкой мира», бережно, от затяжки к затяжке, переходившей по кругу.

Иной разговор – зажигалки. Таковые имелись во множестве. И как ни обыскивали мальчишек матери, как ни колотили отцы чем попало (не дай бог, кожаным офицерским ремнем), зажигалки по-прежнему оставались полноправными предметами повседневности. Лихая пацанва хвасталась самодельными зажигательными приборами, обычно излаженными из винтовочных или крупнокалиберно пулеметных гильз. Хватало и зажигалок трофейного производства в виде обнаженных женщин или пистолетов.

Существовали и финки с наборными рукоятками из цветного плексигласа...

Впрочем, перебирать в памяти драки, порой жестокие и кровавые, ссоры, перебранки, потасовки, остальные табачно-дымные подробности тогдашней жизни, еще много чего малоприятного нет никакого желания. Это для авантюрно-криминального повествования какого-нибудь. Дóроги иные воспоминания: суховато-терпкий, летучий маслянистый запах джидды или карагача, благовонное веяние белых цветов акации, нескончаемые прогулки по садовым дорожкам: чтобы пристроиться на какой-нибудь скамейке – и не мечтай.

Много беженцев с западного берега Каспийского моря. В парковой толпе – смешенье лиц, столпотворение наречий, к вечеру все больше народу, повисает над парком соединенное дымное облако, все сильнее густеющее, к зажженным папиросам и самокруткам прибавляется аппетитно-соблазнительный запах горящего саксаула и шашлыка. И, конечно, пива, выплескивающегося из толстых стеклянных кружек. Нередко прочность этих пивных сосудов проверяли на чьей-нибудь некстати подвернувшейся голове.

Впрочем, шашлык и пиво, прочие питательные прелести Доссорского ОРСа (кто забыл или не знает, это отдел рабочего снабжения), разумеется, не главное. Шашлык, даже из осетрины, можно и во дворе соорудить, а пива набрать в бидон, да повместительнее, чтобы хватило до полуночи да и с соседями поделить.

А поселковый парк, в котором собирались по вечерам, стараясь одеться понаряднее, ценили за фильмы и за духовой оркестр.

Любили кино мы беззаветно. Любая картина приводила в восторг невероятный. То, что происходило на экране, помнится чуть ли не лучше, чем совершавшееся в жизни. А названия фильмов... Как надолго, как прочно они впечатляли: «Девушка спешит на свидание», «Первая перчатка», «Вратарь», «Тринадцать», «Джюльбарс»... Это все довоенные картины.

Нет, поневоле останавливаюсь: придется перечислить очень много. Назову лишь три-четыре фильма. Чудесная комедия «Аршин-мал-алан», которая была особенно хороша тем, что в ней хватало восточного, конкретнее, азербайджанского колорита (мы его достаточно наблюдали и в жизни). Мы распевали «Аршин-мал-алан, кожу по дворам». Успех этой незатейливой комедии был не меньшим, чем через десятилетие фильмов «Бродяга» и «Господин 420» с неунывающим голодранцем, героем невероятно обаятельного Раджа Капура. Про Тарзана с его подружкой Джейн и смышленной обезьяной Читой и говорить нечего: весь Доссор из конца в конец оглашали призывные клики из глубины африканских джунглей... И другие трофейные картины, к примеру, «Девушка моей мечты» с блистательной Марикой Рокк. Как она танцевала, желанная и недоступная экранная дива, как заманчиво – надменно-победно била чечетку, с ума сойти! Впрочем, разве только от нее: непревзойденная, вечно юная «Серенада Солнечной долины» с прелестной конькобежкой Соней Хени... А еще... И вот еще вспомнилось...

И все эти кинокартины с желанным восторгом смотрелись по нескольку раз в летнем кинотеатре «Часовой», чья высокая деревянная ограда сильно пострадала от того, что в жажде бесплатного зрелища окрестные неугомонные ребята выламывали доски. Латать, менять, ремонтировать не стоило, но это обстоятельство парковых стражей порядка не останавливало – за нарушителями гонялись, вытаскивали из-под скамеек. Сражения с юными любителями бесплатного экранного зрелища шли с переменным успехом.

После того как киномеханик запирает свою будку и ключ от тяжелого замка вручал сторожу, на доссорских улицах, в домах и общежитиях пылкие зрители никак не могли успокоиться, вспоминая головокружительные повороты сюжета, а также внешность и характеры киногероев, но больше – киногероинь. Не все юные восторги выдержит бумага, но кто же будет возражать, что кино в детстве – половина воспитания и образования.

А в воспитании юные доссорские любители кинематографа ой как нуждались! «Поп-корн» той поры – жареные (каленные) семечки продавались в кулечках, которые ладились из листов газеты «Прикаспийская коммуна». Пришедшие на первый сеанс зрители проходили на свои места по чистому асфальту, зато покидали зрительный зал по «ковру» из похрустывающей подсолнечной шелухи.

Но не только фильмами баловала народ послевоенная поселковая действительность. Много было музыки... Симфонические оркестры как-то не добирались сюда: придет скрипач или исполнительница старинных русских романсов с пианистом-аккомпаниатором – о лучшем и не мечтаешь. Популярные песни тоже были в чести. И военного времени, и довоенного – затрепанные песенники ценились на вес золота, любимые песни переписывались на школьных тетрадных листочках.

И все хорошо, все вспоминается с сердечной дрожью и душевным волнением, однако поверх всего, трепетнее всего – возвращается из детства оркестр. Духовой оркестр – счастье, радость и бесконечное наслаждение... Инструменты, сверкающие белым и желтым металлом, гулкий барабан, в который каждому парнишке хотелось от всей души шарахнуть оркестровой колотушкой.

Каждый оркестр на свой лад, по своему разумению составляет репертуар. Доссорский – каждое вечернее выступление начинал самостоятельно выбранной увертюрой: старинным вальсом «Амурские волны». Много набиралось вальсов – оркестранты не скупались: «Дунайские волны», «На сопках Маньчжурии», другие танцевальные мелодии. Передние скамейки отодвигали назад, вот тебе и танцплощадка. Это когда кинофильма не было или из Гурьева присылали не раз виденное.

А когда оркестранты откладывали инструменты на стулья или прислоняли к ним, чтобы передохнуть, спускались с эстрады, доставали папиросы, чиркали спичками, и повисало над волшебниками-музыкантами туманно-слоистое облако, и они начинали откашливаться, – на край эстрады ставили патефон, и в музыкальном вечере не случалось досадного перерыва...

Сатимжан неторопливо передавал нам особой ценности новеллы разговорчивого Серго, повторяя вновь и вновь, что ему, в уме которого набирает зрелость замысел интереснейшего романа «Поселок», неслыханно, невероятно повезло: к неповторимой биографии бывалого человека судьба еще и приложила редкостный дар рассказчика. Наш товарищ и не отходил от уникального нефтяника.

Восхищался Сатимжан дополнительно двумя подаренными впечатлениями. Перво-наперво красавицей доссорской нефтью. Маслянистая, вязкая даже на взгляд, темно-зеленого цвета, словно сказочные изумруды Шехерезады. Глаз невозможно отвести, к тому же промышленные ее достоинства велики – второго такого месторождения нет на свете.

Вот где понимаешь, какие прекрасные характеры нефтяников создаются здесь, и воспринимаешь этих чудесных людей как наследников великой тюркской культуры. Ведь она не только в поэтических строчках, в изумительной красоте и странно-притягательной загадочности пустынных петроглифах, она в живых, многообразных судьбах.

А второе чудесное явление – озеро вблизи промысла. Оно сплошь заросло цветками лотоса. Будто спустилось на землю, на радость людям, огромное, затканное светло-розовыми лепестками покрывало, обратив большой кусок земной поверхности в море – заповедное место, где поклоняются символическому цветку Востока. Ненароком попавший сюда индеец, занесенный на каспийские берега то ли из Кашмира, то ли из какой другой индийской провинции, надолго застыл перед природным сокровищем, пока сопровождающие с почтительной осторожностью не прервали поклонение лotosовым зарослям.

– Послушайте, – не прерывал раздумчивых монологов Сатимжан, – я воспринимаю великие имена степи как своего рода переключку личностей, как некое прекрасное состязание. Вслушайтесь: Чокан – Абай – Шакарим – Мухтар. Это – творческие гении Сары-Арки, глубинных казахских земель. А рожденные

каспийским пустынным пространством – Курмангазы – Даулет-гирей – Махамбет – Дина. Хоть сочиняй на документальной основе «Сравнительные жизнеописания» нашего времени...

Помнится, тогда же многолетний паломник, вдохновенный историк и этнограф Марат Сембин, истинный человек Великого Шелкового пути, потрясенный открытиями Сатимжана, признался:

– Мне тревожно, на душе беспокойно. Пронзительные монологи нашего друга вызывают в памяти незабвенные личности: Алана (о нем мы здесь вспоминаем буквально на каждом шагу) и Аскара. Сверстники наши, рано расставшиеся с жизнью.

Так произошло и с самим Сатимжаном. Судьба его состоялась «на разрыв аорты». Через многие годы понимаешь: печальное предчувствие посетило его, и в предвидении он не обманулся. Он пересиливал себя, преодолевая болезнь, заставлял отступать, пусть и ненадолго, злой недуг. Теперь, когда я задерживаюсь над страницами «Пятого сна», понимаю, как верно мы поступили, посвятив по настоянию Сатимжана отчетную книгу о каспийской экспедиции памяти ушедших друзей, названных и неназванных. Пока она складывалась, не стало и самого автора благородного начинания. Правда, он успел набросать небольшой очерк, в котором имеется щемящая концовка. Рассказывал он и о страницах нового произведения, в котором сгустятся воспоминания детства и впечатления взрослого человека. Сатимжан просит не забыть его и взять в новую экспедицию по однажды проложенному впечатляющему маршруту. Страницы эти пребывают в неизвестности, пока не разобран писательский архив...

Писатель даже приготовил в дальнюю дорогу толстый монгольский свитер из верблюжьей шерсти, подаренный ему на краю другой азиатской пустыни.

Книга «Пятый сон», наверное, одна из путевых остановок этого маршрута, по которому вновь собирался пройти Сатимжан, всю жизнь писавший о степи и поневоле расставшийся с нею на многие годы. Однако успел напоследок возвратиться, чтобы здесь, на земле юности, убедиться – пустыня навсегда осталась для нашего друга романтической территорией, где память о нем сохранится надолго.

И как подтверждение – наше посещение школы имени Хамзы Санбаева, предка Сатимжана. Побывав в школе, мы вскоре стояли, почтительно склоняя головы и сердца, у могилы поэта Шернияза, современника Махамбета. Искусный мастер таинственного слова, его речи – сплетение дразнящих воображение загадок. Кажется, что вот-вот ухватишь необходимый смысл, все прояснится, секреты просветлятся, высокое поэтическое слово откроется в полном многоцветном и до предела ясном значении. Но проходит время, ты бьешься и мучаешься над нераспознанной строкой и возвращаешься к стихам Махамбета, которые теперь, после сладостных страданий над неподдающимся словом Шернияза, стали прозрачнее хрустального родникового потока...

Четыре экспедиционных джипа въезжают в Атырау... На каждом перегоне меня охватывает тяга к размышлениям. Задумываешься, к примеру, над тем, что в человеке, чутком к собственной душевной жизни, одновременно соединяются разные эпохи: неостывшая, ныне протекающая современность и события, сохранившиеся, конечно, далеко не полностью в летописях, исторических сочинениях и ученых трудах. Постепенно из того, тысячелетия назад случившегося бытия вытекают подробности, и совсем не важно, были они в действительности или нет, а ценишь другое – свою возрастающую зоркость к современным событиям, возникающую и крепнущую способность думать обо всем встреченном и пережитом глубоко, в полновесных словах.

Из джипов, проезжающих по автомобильному мосту через Урал из стороны азиатской на сторону европейскую (прямо евразийская переправа, чистый Босфор – берег левый, берег правый), хорошо виден мост другой – пешеходный. Да мост-то этот не простой: длина его сейчас более 250 метров, достаточно велика, за что и включили сооружение в Книгу рекордов Гиннеса. Я не первый раз шагал по мосту из Азии в Европу, по этому уникальному мосту. Каждый шаг был легендой и символом еще более явственным, чем пересечение на поезде по суше перед Пермью границы Европы и Азии в книге Б. Пастернака «Детство Люверс»:

« – Знаешь столб... на границе Азии и Европы, и написано: «Азия»...»

Женя побежала на тот бок ждать столба, боясь, что его уже пропустила... Она ждала этого столба, как поднятия занавеса над первым актом географической трагедии, о которой слышалась сказок от видевших, торжественно волнуясь тем, что и она попала и вот скоро увидит сама».

Я не мог молчать в 1972 году на старом железном мосту, я увидел воочию новый мост XXI века – одно из семи чудес Казахстана – и, как правоверный шестидесятник, сложил свое стихотворение – по строке на каждый шаг:

НА МОСТУ В ГУРЬЕВЕ

Европа – направо, налево – Азия.
Рвут континенты меня пополам,
Урал подо мной устремляется к Каспию,
Куда же я направляюсь сам?
Кричат из машин мне: «Не стой лоботрясом!»
Народ на бегу сапогами гремит
Направо – за водкой, налево – за мясом,
Никто на границе не постоит.
А я той чертой, словно саблей разрублен,
Раздвоен зеленым порезом воды –
Я – Гурьев, сын страсти Хивы и Самары,
Царицы Тамары и хана орды!
Во мне столько грязи, что лоск ваш напрасен,
А хулиганства пройти не дадут,
Но я для друзей так бываю прекрасен,
Что им не забыть этих редких минут.
Моряна раздула кровавое пламя –
Газовый факел над бедным Курсаем,
То сердце мое на ветру полыхает,
И я, обжигаясь, его не бросаю...
Эй, ребятишки Казахула!
Бегите на свет мой,
тревожный и красный,
Влезайте в науку,
Работайте с гулом,
Любите народ свой страстно и ясно!
Я выгнусь дугою над ленью Урала,
Бегите по мосту,
Вдыхайте новости,
Что ветер приносит и слева, и справа,
И возвращайтесь, но только не в гости...

Тогда вы поймете, как многое значит
 Этот изношенный гурьевский мост.
 И как терпелив он, и как неудачен,
 Сводя континенты,
 И как он непрост...

5. НУРМУХАН ЖАНТУРИН

...Насмотрелись мы вдоволь некрополей, пора и с прочими мемориальными сооружениями познакомиться.

Не так-то много парных памятников в мире: Гёте и Шиллеру в немецком Веймаре, Дон Кихоту и Санчо Пансе в испанском Мадриде, вот и в казахском Атырау, ранее известном под именем Гурьева, есть. Махамбету и Исатаю, воинам-побратимам. Но если далеко не каждый казах детально припомнит, как складывалась военная судьба предводителей восстания, случившегося в середине позапрошлого века, то стихи поэта-воина – призывные, нежно-печальные, горько переживающие поражение – не забываются.

Когда знаковое, нерядовое событие собирает многих людей, рано или поздно приходит и пора вспомнить прекрасную поэзию, достойную народной славы и любви. И вспомнить вместе с теми мелодиями, которые обратили стихи Махамбета в казахское песенное богатство.

Так где же, в каком уголке Атырау находится этот двойной памятник достославным героям казахской истории? Замечательное место выбрано – площадь имени героев в самом центре города, где совсем недалеко областной драматический театр имени Махамбета. На улице Махамбета, 115 стоит областная филармония имени Нурмухана Жантурина. Непростое имя: Нурмухан Жантурин – легенда отечественного искусства. И – по совести сказать – прекрасного актера также можно причислить к слишком рано ушедшим, чьи молодые имена со светлой печалью вспоминались в необычной поездке.

Когда Сатимжан на очередном привале вызвал из забвения имя Жантурина, путешественники один за другим стали припоминать...

Молодой актер Театра имени Ауэзова обрел известность вскоре после окончания войны. Казахский кинематограф только-только осознал свое место в советском искусстве; в киностудийном творческом багаже имелись пока знаменитая картина «Турксиб» и художественная лента «Амангельды» – о недавнем революционном прошлом. Именно тогда началась полная открытий творческая жизнь Жантурина. Актер снялся в роли Чокана Валиханова. Название фильма, в то время прозвучавшее слишком возвышенно, неприземленно, теперь воспринимается совершенно пророчески – «Его время придет».

Актерская биография Нурмухана Жантурина наполнена блестящими работами. Мощный Бейбарс, истинный военный вождь, которого внезапно пронзившая тоска, вызванная запахом степной полыни, вернула в родные пределы; дерзкий остроумец Алдар-Косе, обаятельный пройдоха, головная боль богатеев; японский генерал, выше жизни почитающий кодекс самурайской чести; наконец, гениальный французский драматург и актер Жан Батист Поклен, при жизни получивший имя на века – Мольер.

Путь к Мольеру случился долгим, триумфальным и трагическим.

Нурмухан-ага – зримое воплощение подлинного казахского характера.

Примечательно начало жизненного пути Жантурина. Четырнадцатилетним подростком Нурмухан работал помощником оператора на нефтепромысле. Какое

решающее впечатление переменяло житейски прочные и материально обеспеченные планы юного западноказахстанского провинциала, как он задумал дерзко и безоглядно переменить судьбу, какие фильмы детства и отрочества отозвались позднее во многих театральных и кинематографических ролях выдающегося актера – теперь узнать невозможно. Но действовал он, можно сказать, с заранее обдуманым намерением – твердо и неотступно. Середина прошлого века совпала с переломом жизненного пути: он заканчивает Алма-Атинскую киношколу с дипломом киномеханика. А через два года Нурмухан – уже творческая личность с высшим образованием: выпускник актерского факультета Ташкентского театрально-художественного института имени Александра Николаевича Островского.

Под сенью какого великого имени возрастал грандиозный талант Жантурина! Да одно только пристальное чтение многотомной драматургической библиотеки, созданной великим русским писателем, способно правильно воспитать и вдохновить, навечно приохотить к сценическому искусству. Что, к счастью, и произошло с Нурмуханом Сейтахметовичем...

Удивительна обширная актерская биография Жантурина. Это – цепь блестящих, поразительно талантливых театральных и киноработ. Когда молодой артист снялся в просветительском фильме «Его время придет», в котором увлеченно сыграл Чокана Валиханова, он и предположить не мог, что спустя два с половиной десятилетия после того как актера не станет, это название можно будет считать пророческим. Время Жантурина пришло, только приход знаменательного времени необходимо было осуществить.

Сатимжан в разговорах, в размеренных размышлениях среди дружеского круга часто возвращался к неординарной личности Жантурина:

«Припомните, как Нурмухан-ага воссоединился – именно такой глагол мне кажется самым верным и точным – с казахским искусством, с национальным мировоззрением. Он пришел в цитадель степного взгляда на жизнь; в театре Ауэзова особенно почитали авторов коренного закала, они свободно и пронзительно сочетали мифологемы и приземленные бытовые истории. Ауэзов, Мусрепов, Айтматов... «Козы Корпеш...», «Енлик – Кебек», «Абай», «Карагоз», «Материнское поле»... Бесстрашно скажу: театр, которому Жантурин не изменял много десятилетий, и стал для актера «материнским полем». Сценическая карьера Нурмухана началась Кодаром в спектакле «Козы Корпеш».

Жантурин великолепно, до крайнего доньшка понимал и чувствовал восточный характер. Его притягивали, кроме всего прочего, личности крупноразмерные, широкого размаха...

А неповторимый кинематограф Жантурина! Как сопереживаешь его Танабаю в «Беге иноходца» по повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары». Режиссер и оператор – легендарный Сергей Урусевский. Завораживает «предводитель монгольских орд» Батый в фильме «Даниил Галицкий». Не хочется расставаться с полковником Аблайхановым («Конец атамана») и японским генералом Камацубара, поклонником самурайского кодекса чести «Бусидо» («Слушайте, на той стороне»). И любая роль Нурмухана притягивала, пленяла, не отпускала. О его филигранном актерском мастерстве можно рассказывать подолгу: о предельной выразительности скупых жестов, о взгляде, заменяющем многие речи, о ювелирно точной пластике, рожденной изумительной памятью большого художника.

Завершались славные творческие годы Нурмухана Сейтахметовича неумирающей классикой: «Маленькие трагедии» Пушкина, «Отелло» Шекспира, наконец, «Кабала святош» (булгаковский Мольер). Сложится дальше все по-хорошему, обязательно напишу и о Жантурине – Мольере, и о наших беседах «в булгаковской

ауре)... Тогда мы затронули немало всякого-разного, говорили и о моем предке Макаше Бекмохаммедове. Я собирался писать о Макаше полноразмерный роман: задумал после тетралогии и после дилогии. Столько интересного открылось... Как мало известно нам о наших выдающихся предках! И как же загорелся после моих рассказов Нурмухан-ага, как просил написать пьесу о Макаше – его биографию он знал с юных лет. «Макаш – такой крупный характер, в объемной лепке, в сотворении такого характера мне в помощь сыгранные мною прежде роли: от Кодара, начального, которого я ценю, до французского гения – мученика и страстотерпца; Мольера ценю еще больше: это мое высшее. Все мои враги прекрасно это понимали, потому и спектакль запретили, и из театра выкинули.

Теперь призывают вернуться: аксакал борозды не испортит. Вот я и возвращусь... так помоги возвратиться на родную сцену не с пустыми руками».

Он говорил, что в пьесе он сыграет две роли: Макаша и Махамбета, призывающего хана все совершать по совести и по честному разумению, и примеривался к тому и другому образу: «Начать надо с Махамбета, воина, мятежника, сотворенного природой, чтобы дерзко бунтовать, всю жизнь оставаться непримиримым, жестоким, настороженным, но доверчивым. А потом Макаш – столь же благородный. Пусть современные казахи посмотрят, как велико благородство предков, пусть изменят распространенное представление, что казахи – или вспыльчивые бунтари, или хитрые царедворцы. Такими выдающимися людьми народ гордится в любые времена. Такому мастеру, как ты, и сама природа спешит на помощь. Живые натурщики в твоём распоряжении. Твой покорный слуга – он же Абай, он же Танабай, он же Мольер – под твоим пером преобразится в Махамбета, во втором действии в Макаша Бекмохаммедова – «он человек был в полном смысле слова». С самого раннего детства я подражал его независимому характеру. Да и сейчас, почти что в возрасте пророка, убежден – пример честной жизни Макаша – на все времена. Очень обяжешь, если сочинишь пьесу...»

Вот как мы общались с Нурмуханом Сейтахметовичем за два-три года до того, как его не стало. Я начал обдумывать пьесу. Но драматургия – не мое призвание, я принадлежу прозе. Начал набрасывать первые страницы, рассчитывая сверять работу с замечаниями и поправками Нурмухана. Мне нравился его немолодой возраст. Главного героя предполагаемого романа я видел именно в пожилые годы. Кто бы мог предположить, что конец жизненной дороги Жантурина столь недалек. А Макаш Бекмохаммедов остался со мной. Он родственно мне дорог. Особенно трепетно и любовно я думаю о его последнем жизненном периоде, времени подведения итогов. К тому времени Макаша, немало собственных средств потратившего на благотворительные поступки, настигла бедность, отцовское горе – он потерял сына, ослабло здоровье. О поездках нечего было и думать, недавний правитель отошел от дел, принялся за воспоминания...

Да, это истинный герой. Жаль, если не напишу о Макаше. Не меньше жаль, что написанное не прочтет Нурмухан».

6. ХУДОЖНИКИ

Салихитдин Айтбаев

Кто-то из художников, как рассказывали сверстники Айтбаева спустя годы, обожал поддразнивать и самого Салихитдина, и его сотоварища, не менее талантливого Шаймардана Сариева строчками стихотворения из школьной хрестоматии для пятого класса: «Жили два друга в нашем полку, пой песню, пой!» Друзья пре-

образили «взрослые» имена молодых живописцев, прозвав Айтбаева – Калжаном, Сариева – Мараном. Оба друга давно и прочно присутствуют в истории казахского изобразительного искусства.

Помню ранние работы и того, и другого. Восхождение к славе произошло стремительно, грандам и мэтрам спешно пришлось потесниться. На выставках, как ни обижались, как ни ворчали «старики», зрители первым делом торопились к полотнам Айтбаева и Сариева, к прочим представителям «новой генерации».

И Айтбаеву, и Сариеву горько посчастливилось: каждого накрепко запомнили по одной картине. Произнесешь имя Айтбаева, в памяти тотчас всплывает образец сурового стиля 60-х годов, программное полотно «Счастье». На все шутки на тему – «живописец одной картины», невозмутимый Салихитдин с непередаваемой улыбкой, нет, нет, не улыбкой, начальным намеком на нее, хладнокровно отвечивал, показывая на вырванный из журнала красочный разворот «Последний день Помпеи»: «Коллега! Еще один "живописец одной картины"»...

А работа Айтбаева, написанная на одном дыхании, очень полюбилась современникам, и не только землякам и сотоварищам автора. Со «Счастьем» на обложке выходили монографии, оно попадало в альбомы; афиши и плакаты также украшались вдохновенной картиной. Калжан написал яркими, праздничными красками то, что любил с детства: степь с ее горячим июльским ветром, густые травы, непременно широкое небо, под которым рождались многие поколения. Тонко чувствующие самостоятельность новой живописи зрители понимали, что юности – а «Счастье» прямо-таки от первого до последнего мазка светится юностью – свойственно буйство, пиршество красок. С айтбаевской, чистой и прекрасной роскошью до предела насыщенного цвета расстаться невозможно. Но вот главное в картине «Счастье» – молодые люди.

Можно бесконечно вглядываться в эти спокойные, благородно отрешенные лица. Юноша и девушка «подсмотрены» художником в минуту жизни, ни от кого из людей не зависимой. Они расстались с детством, с отрочеством, они на пороге самостоятельного бытия. Они даже еще ничего не обдумывают, не решают, не намечают никаких планов. Они просто перешли в подданство взрослого возраста. Теперь они отвечают сами за себя, правда, вдвоем, в избранной совместности, и об этом счастье взаимного жизненного пути рассказывает линиями и красками картина, созданная сверстником ее героев.

Марану досталась иная стезя, иная стихия. Совпали судьбы молодых живописцев в одном: «Счастью» Айтбаева зеркально соответствовал «Портрет сестры» Сариева. Сильная, смелая по гармонии холодноватых, бледно-голубых, лилово-сиреневых красок работа, однако по композиции она удивительно напоминала одну из картин Модильяни. Странная, резко бросающаяся в глаза похожесть на бессмертный шедевр великого Амедео сильно подвела айтбаевского друга. Кто бы и где бы, на какой бы выставке ни подходил к экспозиции, завидев «Портрет», непременно, как под диктовку, восклицал, не в силах сдержать радость узнавания: «Модильяни!»

Однако всемирная слава итальянского мастера не помешала мне разглядеть определенную искусственность, ремесленную заданность портретов Модильяни. У него, кстати, эти загадочные большеглазые женщины существуют не в одиночестве. Повторы, повторы... Прекрасные, неповторимые, но слишком подчинены канону, избранному человеческому образцу. Впрочем, это говорится не в ущерб Модильяни. Просто больно за провинциального Марана, которому бог не дал возможности укрепить многими работами и талант свой, и собственную известность. Мелькнули на молодежных выставках случайные сариевские натюрморты, написан-

ные как бы глуховатыми, застенчивыми красками, потом как-то боком, окольными путями добирались отрывочные, неуверенные известия о талантливом Маране. Потом и они заглохли, стусевались. Современная художественная молодежь, весьма неплохо знающая Айтбаева, при имени Шаймардана Сариева стеснительно пожимает плечами. Зато Салихитдин в чести, трагическая гибель по невеселому закону посмертного признания лишь усилила интерес к его творчеству. На нечастых по нынешним временам выставках можно встретить даже работы, подражающие привлекательно простонародным, обаятельно земным картинам Айтбаева.

Так и вижу нашего дорогого Калжана в его мастерской, сплошь заставленной картинами, чудесными небольшими эскизами и этюдами, с брюлловским шедевром на все времена и капитальным сооружением, на котором укреплялось очередное полотно, пребывавшее в работе. И забываема почти что облачная, милая усмешка, сразу располагавшая к нему, обезоруживающая и магически притягивающая.

Таким же «легким дыханием», без сомнения, обладал всегдашний любимец Айтбаева – Вольфганг Амадей Моцарт. Художников, которые способны изобразить «глубокий обморок сирени», младших и старших товарищей Калжана по изобразительному искусству, вообще не часто встречали в филармонии или зале консерватории. Айтбаева иногда все-таки встречали... Когда исполняли «Реквием» или симфонию «Юпитер», да и прочие моцартовские опусы. Салихитдин остался в памяти человеком светлого, нешумного, долговечного вдохновения.

Макум и Махамбет

Сатимжан рассказывает о юбилейном издании Махамбета, вышедшего с иллюстрациями Макума Кисамединова.

Все путешествие по Каспийскому побережью проходило под знаком Макаша Бекмохаммедова. Правитель очень любил и самого Махамбета, и его поэзию. Доподлинно известно, что Макаш хорошо знал стихотворения, дошедшие до нашего времени в изустной традиции; они, переписанные непосредственно Макашем Бекмохаммедовичем, сохранились. Мы не могли пройти мимо таких потрясающих свидетельств любви к народному гению.

Как раз в 2003 году в Казахстане и за его пределами празднично отмечали 200 лет со дня рождения Махамбета. Долгое время имя великого казахского поэта и воина оставалось полузапрещенным: поскольку не в меру осторожные цензурные чиновники самовольно распоряжались, кому и чему быть хвалимым или хулимым. Любой текст о Махамбете придирчиво проверялся и перепроверялся, и пробиться энтузиастам, защитникам отечественной литературы и истории сквозь казенные заграждения, препятствовавшие напечатанию стихов и критико-биографической прозы, получалось далеко не всегда. Художник Макум Кисамединов совершил решительный переворот. Мощный графический цикл, черно-белые гравюры навсегда ввели Махамбета в круг классиков отечественной культуры. О разных запретах на упоминание дорогого народу имени быстро забыли, но никто еще не догадывался об истинной цене его творений. Разумеется, речь не о земляках, современниках и потомках Махамбета, свято сохранявших и передававших из уст в уста драгоценные поэтические строки.

Предысторию неординарного юбилейного издания мы со всеми подробностями услышали от Сатимжана Санбаева. Однажды совсем неожиданно, вне соединения с проходившим разговором, он произнес: «Уважаю Фаризу Унгарсынову. Друзья почтительно-символически называли ее «Махамбет в юбке». Она с юных лет отдала много сил памяти Махамбета. Родилась Фариза в достойном ауле № 9.

Здесь на сто тридцать шесть лет раньше родился Махамбет. Она, не страдая нарочитой, неискренней скромностью, вполне серьезно воспринимала себя законной и единственной наследницей его стихотворного таланта и очень рано осознала, что утвердить мировое значение Махамбета возможно только при благотворной и бескорыстной помощи великого русского языка, доступного многим миллионам людей, спасавшего от глухой неизвестности классиков иноязычного подданства.

Задача обозначилась не легкая и не простая. Ревность к любому другому языку – сама Фариза образно и нескованно мыслила по-казахски – являлась трудно преодолимым препятствием. Однако высшее педагогическое образование (специальность – учитель русского языка и литературы для казахских школ) облегчало прочное знакомство с произведениями русской поэзии и прозы. Время вхождения Фаризы в литературу не способствовало свободному творчеству: заработать на кусок хлеба можно было, только приспособившись к жестким правилам верно-подданнического следования требованиям режима.

Как человек переоценивает свои силы... Евгений Евтушенко говорил: «Пишу одно бравурное, ура-патриотическое стихотворение, свободно, без замечаний проходимое в партийную печать. Зато другие, сокровенные и достойные меня, печатаются без сучка, без задоринки». Тем не менее в действительности от поэта требовали девять так называемых «красных паровозов» и со страшным скрипом, с большой неохотой прощали сочинителю одно кровное, близкое душе и сердцу. А когда поэт, успевший получить известность и признание, решился переменить такое соотношение, добиться большей свободы, права самому решать, что печатать, а что оставить в письменном столе, его изгнали из Литературного института, предлагали покинуть Родину, грубо преследовали с самых высоких трибун. И это в столице, где имелаась спасительная отдушина, где «на площади Восстанья в полшестого» можно было встретить соратников, и такая команда единомышленников являлась действенной силой. Простые бесцеремонные запреты и порицания пропадали втуне.

В нашей азиатской глубинке нам также пришлось пройти сквозь строй подобных упреков, уроков и наставлений. Редакторы твердили: «Сначала стройки коммунизма, “заводы, вставляйте!”, “ну а девушки, а девушки – потом!”» Все сокровенное, сердечно выстраданное, все взятое не из газетной передовицы, а из кровоточащей неповторимой жизни – потом. Сейчас я страшусь, что не хватит времени, отведенного мне судьбой, – «дни наши сочтены не нами», – написать о родном деде Макаше. Позорное клеймо потомственных дворян – противников советской власти – только-только стерли с его ни в чем не повинных внуков. Они полной мерой вкусили пусть не репрессий, не лагерей и тюрем, но чужбины, где многие годы вынужденно скрывали свое непростое происхождение и прямое родство с правителем Междуречья, более сорока лет верой и правдой прослужившим казахскому народу.

Тем выше, тем более ценен неповторимый, многое изменивший в современной казахской истории творческий подвиг Макума Кисамединова. Исполненные художником портреты Махамбета – поэма в графике о великом поэте, о выдающейся личности казахского исторического пантеона. Макум передал в цикле суровых, лаконичных гравюр гордый, непокорный характер Махамбета, многогранность классической лирики, то могучей, негибкой, то нежной, печально-философской. И все-таки пронзительно-отрешенный Махамбет Макума, не похожий ни на какие другие изображения столь же сильно воздействующего образца, всегда, в самые разные мгновения бытия вызывает в памяти шестое стихотворение из пушкинского «Подражания Корану»:

Недаром вы приснились мне
 В бою с обритыми главами,
 С окровавленными мечами,
 Во рвах, на башне, на стене...

Вы победили: слава вам,
 А малодушным посмеянье!
 Они на бранное призыванье
 Не шли, не веря дивным снам...

Блаженны падшие в сраженье:
 Теперь они вошли в эдем...

К слову, вспоминая Макума. Есть русские выражения: «Бог поцеловал, талант от бога...» Это про природное дарование, как бы полученное помимо обычного жизненного уклада. И вправду... Я много лет сохраняю в паспорте небольшую репродукцию макумовской гравюры «Верблюдица». Как частицу страдающего сердца Кисамединова, как воплощение души Махамбета.

Сатимжан достал из внутреннего кармана куртки и вытащил на свет божий кожаную паспортную обложку; в ней вместе с документом находился картонный квадратик, закрепленный крошечными углами обложки.

Один из присутствовавших попробовал шуткой чуть пригасить хладнокровную серьезность Санбаева:

– Мы-то полагали, что ты около сердца держишь портрет любимой женщины... Ошиблись... Дороже. Покажи, покажи-ка, что же такого особенного...
 – Обойдешься! – неласково отрезал Сатимжан.

С шутника-неудачника слетела пыльца легкомыслия, он даже закусил губу, да так до конца и просидел молча.

Сатимжан передал репродукцию по кругу, чтобы посмотрели все желающие, и стал на память декламировать стихи Махамбета:

«Сородичи! Соратники!
 Добудемте верблюда-балансера!
 Мы, бывшие кольчужники и латники,
 Должны в горах скрываться от позора.
 Пускай верблюд по грудь в осенней глине
 Дотащит груз, не бросим же в пустыне.
 Святое дело – вытянуть тот груз
 Для новой сечи за святое дело.
 Простим, когда отстанет честный трус –
 Для наших битв такое нужно тело,
 Чтобы крушенье ребер, кровь и пот
 Не выдал вздох иль дрогнувшая бровь.

Или вот стихотворение:

ЦВЕТНОЙ КОВЕР И ВЕРБЛЮД ОДНОГОРБЫЙ

На пушистом ковре разноцветных растений
 Возвышается горд одногорбый верблюд,
 Рядом несколько маток, кормящихся, стельных –
 О, какое богатство! Покой и уют!

Между сильными рода один богоравный;
 За советом, за помощью с многих дорог
 Притекают казахи в аул самый главный.
 Я – двужильный, двугорбый, как перст одинок.

Еще один отрывок из стихотворения:

БЫЛ Я КЛИНКОМ

...Разочарованный и очарованный,
 Забился я в жерло старинных скал,
 Но не себя тут одного спасаю –
 Врагов – верблюдов взбесившийся – искал
 Я в узком месте,
 Мечь в душе ласкал:
 Придут – стопчу во прах и искусаю.

Вот что это такое! Эта верблюдица Макума – поистине наскальная гравюра. Это знаковое изображение с нескончаемой чередой символов и толкований. Поставь под листом подпись: «Великая мать-кормилица», и какие откроются просторы понимания жизни, как ты обогатишься зрелостью, инстинктивно впитанной Макумом из походов в музеи, из штудирования монографий о классическом изобразительном искусстве, начиная с Праксителя и Фидия. Напиши – «Одиночество осиротевшей женщины», воображение двинется по другой, не менее значительной дороге. В углу графического листа еще одно изображение – маленький двугорбый скелет – и получишь еще одну громадную загадку. И эти загадки как ступени к вдохновенной самостоятельности твоей личности.

Скажу больше. К не отпускающему зрению и воображение шедевру полноправно присоединяются другие впечатления. Само собой разумеется, что выбор подобных впечатлений произволен, никем не навязан. Он согласован с моей доброй волей.

К примеру, чуть раньше «Махамбета» советская графика обогатилась выдающимся по экспрессии, по тонкости душевного «расследования» черно-белым портретом Владимира Маяковского (автор – Могилевский). Сейчас в моем сознании знаменательно сблизились Маяковский и Махамбет, великие поэты, пророки, первопроходцы, пролагатели новых путей. Характер Макума как раз той же пророческой породы, той же эмоционально-интеллектуальной мощи и непреклонности.

Присоединяю еще одно произведение – непревзойденного «Мыслителя» Огюста Родена. Всмотритесь внимательнее в кисамединовского «Махамбета». Сопоставьте со скульптурой французского мастера. Макум смог передать колоссальной силы созидательную мысль, изменяющую мир. После произведений такого преобразующего воздействия остаться прежним невозможно. Скульптура – монолит, особенно у Родена – воздуха нет. Как гравюра уподобляется монолиту – загадка художника.

С какой неодолимостью влекли Макума великие поэтические создания! Он сам являлся первостепенным сочинителем, только рабочий материал – не слова, линогравюра...

Чародей черно-белого изображения, Кисамединов покорял сердца людей, читавших стихи в школьном охвате, не более. Зато его графика обращала людей в поэтическую веру. Так произошло с собранием иллюстраций к «Фаусту» Гёте.

Отважно принялся Макум за серию гравюр, и немало оригинального можно найти на страницах иллюстрированного издания великой поэмы, вполне достойного сочинения немецкого гения.

Сам Фауст, неутомимый мыслитель, интеллектуальный смельчак, не утратившийся вступить в опаснейшее мистическое предприятие; искусный соблазнитель, мастер завлекательных софизмов, устроитель лукавых чудес, обаятельно-насмешливый Мефистофель; несчастная Маргарита, «соблазненная и покинутая» спасенная Господней волей за ангельскую чистоту души...

Читать «Фауста», имея в своем распоряжении изобразительное толкование Кисамединова, столь же полезно и увлекательно, как, к примеру, общение с графическим фаустовским циклом русского мастера Андрея Гончарова».

Так высказывался о талантливом друге Сатимжан.

Мне тоже есть что сказать о Кисамединове.

Макум заслуженно нашел пристанище в книжном издательстве. Правда, не на долгий срок. Ершистый, колючий, как правило, недипломатично, не выбирая выражений, защищающий собственное профессиональное мнение, вскоре неуживчивый бунтарь от души и прощально шарахнул издательской дверью.

«Куда крестьянину податься?..» Макум пришел ко мне, посетовав на горькую судьбину, оставившую взрослого человека, члена Союза художников, отца семейства без заработка. Как раз в те дни собиралась съемочная группа фильма о знаменитом нефтянике; нашлась в группе должность и для столичного мятежника Кисамединова: «Осветителем поработаешь?» Макум согласился, не раздумывая, и одной карьерой осветителя не ограничился: в свободные минуты рисовал много и многих.

Пришла пора показать миру эти исполненные серьезного, основательного вдохновения наброски, эскизы и этюды.

Когда герой фильма, поработавший на съемках вторым осветителем, занял высший пост в нефтяной компании, – в директорском кабинете, на почетном месте, где обыкновенно помещали портрет генерального секретаря, закрепился кисамединовский «Махамбет».

Все-таки нужно признать, что изобразительное искусство, как и музыка, ближе к молниеносной стреле мысли, чем стихи и проза. Макуму исполнилось тридцать три, и он стал победителем. Сам Алан Медоев про верблюдицу, рожденную в мастерской современного художника, произнес: «Авторская наскальная графика». Как бы отыскалось одно имя мастера среди многих и многих безымянных... А мы все тут устремились во властители дум при поддержке письменного слова.

– И, значит, безвестными не останетесь, – осмелел недавний шутник, ставший прилежным слушателем.

– Переводчик Татьяна Фроловская и Фариза Унгарсынова работали над «Избранным» Махамбета больше 20 лет. Уважаю! Они взяли на себя сохранение сущности воина, борца. Фариза исполняла великий долг, действовала как бы по обету. Поэт – ее земляк, почти родович, у нее самой многие стихи в орбите Махамбета. Пожалуй, и переводы стихов в той же самой звездной орбите. Они предельно близки к свежести интонации, к законченности душевного состава Махамбета. Например, в стихотворении «Рожденный от орла собакой»:

Я – крылатая собака, я – химера –
 От орла борзою сухою рожден.
 Я вражду и дружу, не зная меры,
 Но ударом плети к смерти пригвожден.

Как не рвать,
Не метать,
О былом не горевать,
Униженья,
Оскорбленья
Красной кровью заливать,
Черной кровью пировать,
Суку-мать
Не поминать!

Ни за воздух не удержишься когтями,
Ни за землю не зацепишься корнями.
Я от ветра, точно ствол бескорневой,
Ударяю оземь птичьей головой.

Многие строки словно запечатлены на скальной поверхности. Я чувствую кремнистый запах древнего камня, слышу давние звуки. Этот секрет живого присутствия вдумчиво разъяснил комментатор первого полного стихотворного собрания Махамбета. Когда начинаешь глядываться в прихотливые, необычные и неожиданные линии рисунков незапамятного прошлого, с каждым мгновением все более поражаешься волшебству творческого вдохновения. Стремишься воссоздать, что было до мгновения, закрепленного волей и свободным дарованием неизвестного мастера, и что было после. Из прошлого долетают какие-то смутные звуки. Достоин удивления! Столько в жизни таланта, самоотверженности, неотступного мужества, смелости изобретения небывалого и бескомпромиссности, твердости в следовании избранному пути.

Страницами о Макуме Кисамединове возвращаю в современное изобразительное искусство первоклассного мастера, героически преданного своему незаурядному дарованию.

7. ПРИСТАНЬ НОМЕР 17

Я родился 9 июня 1943 года на острове Чистая Банка, что в устье Волги. Это – последняя пядь земной тверди перед морской стихией, дальше начинается Каспий. На острове были небольшой поселок и рыбозавод. Но знаменита Чистая Банка была маяком. На него ориентировались корабли, державшие путь из Каспийского моря в Волгу.

Маяк служил основной мишенью для немецких бомбардировщиков. Они препятствовали прохождению советских кораблей с бакинской нефтью для танков Сталинграда. Мать, по какому-то наитию, перед налетом убежала из дома в камыши, потому что избушки, крыши которых хорошо видны в ясные летние дни, служили отчетливой мишенью для налетавших бомбардировщиков. Мое рождение, единственного ребенка на острове, считалось чудом. И то, что под бомбами выжили мои родители, также было чудом.

Я при каждом взрыве орал во все горло. Когда ночью мама со мной возвращалась домой, а я, измученный жарой и недосыпом замолкал, она поминутно проверяла, не зашиб ли новорожденного сына шальной вражеский осколок. Мое молчание казалось маме неестественным.

Закончилась война, я пошел в школу в ближайшем к острову поселке Мумра. Пять первых школьных лет я провел за одной партой со своим ровесником Сашей Шапошниковым. Мы появились на свет в один и тот же день. Шестиклассником мне

пришлось стать в другой школе, в другом поселке. Наши пути с Сашей разошлись. Но вот случилось чудо – не так давно школьный товарищ, друг детства нашел меня в Астане. Саша стал известным художником, членом Союза художников России, его акварели можно видеть на художественных выставках и в музейных собраниях. Знакомы с творчеством Александра Шапошникова и в казахстанской столице.

Сорок лет я не был в Астрахани. Во время экспедиции «Каспий: нефть и культура» в 2004 году у меня не нашлось возможности побывать на родном острове. Сильная ностальгия привела меня на родину через десять лет – в 2014 году я вместе с родными и друзьями (среди них был и Саша Шапошников) отправился в низовья Волги. Меня привело в смятение известие, что здесь не ходят пассажирские катера, что суда на подводных крыльях, так называемые «ракеты», давно превращены в алюминиевый металлолом. В июльскую 50-градусную жару пришлось ехать на машине вдоль речного берега, а рядом текла прохладная Волга... До Чистой Банки добирались на моторной лодке, которая то и дело застревала на мели.

Остров Чистая Банка почти полностью зарос густым камышом, лишь на кромке расположился пограничный пункт. Никакого маяка здесь уже нет – то, с чем не справились бомбардировщики, что не удалось фашистам, смогли совершить прошедшие годы. На топком берегу камешком выдавили и сфотографировали надпись «Здесь родился Гадильбек». На память...

Саша Шапошников в течение получаса сделал акварельный набросок пустынного прибрежного пейзажа. Вот и все, что осталось от острова Чистая Банка.

Чтобы не застрять на мели, обратно добирались другой протокой. И тут произошло чудо – нашим взорам в глубине протоки среди камыша неожиданно предстало белоснежное кружевное сооружение в стиле ампир. При ближайшем рассмотрении это чудо оказалось дебаркадером семнадцатой пристани, обшарпанной, облупленной, но до боли прекрасной и родной. Выяснилось, что пристанский дебаркадер снят со своего места приписки на причале набережной Астрахани и отбуксирован в низовья Волги, к рыболовецкой тоне «Десятая огневка». Здесь его используют как рыболовецкую базу. Сквозь щели в стене мы разглядели уложенные для хранения рыболовные сети.

Трудно описать наше волнение от встречи с 17-й пристанью – неповторимым символом романтической юности. Горло сдавливала щемящая грусть от нынешнего вида пристани – старушки со следами былой красоты и величия на фоне глухой протоки, заросшей камышом.

Нахлынули воспоминания далекой юности, когда мы, живя в разных селеньях на многочисленных рукавах и протоках Волги, ехали в город на 17-ю пристань, откуда разъезжались для встреч с родными, друзьями, любимыми. Место встречи изменить было нельзя! К этой пристани от города вела красивая, широкая и тенистая аллея с сомкнутыми высоко вверх кронами старых деревьев. По реке до пристани добирались сначала на пароходах. В память врезались названия: «Степан Здоровцев», «Валерия Барсова». По основному фарватеру речного русла, так называемому «чистому банку», ходили пароходы «Марат» и «Чердынь». С чем и с кем связаны данные названия, не знаю, в детстве не удосужился поинтересоваться. Лишь знаю, что пароход «Валерия Барсова» назван в честь знаменитой певицы.

Эти поездки были незабываемыми. Белоснежные пароходы иностранного производства, немецкого или чешского, сияли никелем, золочеными поручнями, в купе и коридорах ноги бесшумно ступали по ковровым дорожкам. Сверху было видно машинное отделение, где с пыhtением вращались огромные валы и поршни. Мы – дети и родители – на верхней палубе, овеваемой свежим ветром с брызгами волжской воды. Во время всего пути следования нас сопровождали пароходные

гудки. Они перекликались друг с другом. Позже пароходы заменили теплоходами и судами на подводных крыльях – «ракетами».

Рядом с 17-й пристанью находился причал с пришвартованными огромными многопалубными теплоходами междугороднего сообщения. Эти белоснежные речные лайнеры перевозили пассажиров, в основном туристов, по всем волжским городам, вплоть до Москвы.

Вспоминаю еще одно сильное впечатление детства. Наша семья жила на острове а многие родственники и друзья – на материке. Отец иногда брал меня с собой. Самое привлекательное, самое памятное место в дальних поездках с отцом – пристань № 17. От нее мы тогда отплывали домой, а из дома добирались на катере до пригорода Астрахани. Катер служил для нас морским автобусом, но так как он являлся и плавсредством, билеты покупались в отдельной кассе, и все походило на настоящее путешествие. Летом меня тем же катером отправляли в пионерский лагерь тоже на «большую землю». На пристани № 17 нас, несовершеннолетних островитян, забирала профсоюзная полторка и везла, везла, везла в чудесные предгорья со своими пляжами у моря и фанерными корпусами вдоль всего берега. Протока была довольно широка, по ней плавали и большие пароходы, ухившие в море, а далее, наверное, и в океан или в другое море... Я воображал себе чудесные кругосветные путешествия, хотя хорошо знал, что Каспийское море – озеро. Глядя на бескрайнюю воду, поглотившую небо от горизонта до горизонта, я не мог поверить в ее конечность – она простиралась без берегов, без края.

Но самое главное, отплывал ли белоснежный лайнер с вышколенной и очень парадно одетой командой или наш небольшой пароходик, на помосте, продолжавшем пристань, во все тулумбасы ударял оркестр. Он был ни велик ни мал человек десять, одетых ничуть не хуже капитанов: широкие белые пояса, белые перчатки за поясом, чтобы не мешали играть, но церемония их снятия до и надевания после марша была впечатляющей, и фуражки в белых чехлах. Оркестранты в погонах дули в трубы всевозможных конфигураций, а два-три ударника изо всех сил колотили в барабаны и громоподобно ударяли в литавры. Две медных тарелки почему-то доверяли мальчишке чуть постарше меня, но тоже в бело-синем кителе, подогнанном под его рост и стать, перепоясанном белым же ремнем и в фуражке с летним белым верхом. Каждый раз тарелками гремел мальчик, но мне было безразлично, я видел только себя в этой виртуозной, индивидуальной роли. Кончается период, а я – раз, и соединил тарелки, словно отрезал одну часть музыки от другой; и дальше некоторое время стоял празднично, чтобы вновь в нужный момент извлечь металлически дрожащий, гудящий и одновременно отрывистый звук. Бах-ба-ба-бах – отгремели барабаны. Приходила моя очередь – приказать оркестрантам дудеть в трубы и капельмейстеру размахивать руками. Я пожирал его глазами, пока он не приглашал меня дополнить мелодию звонким литавренным ударом. Вот такая была мечта, сон наяву.

Однажды я попал на первомайский праздник, когда вся пристань была расцвечена флагами, знаменами и цветами. По ней гуляли толпы народа. Зеленные и керосиновые лавки закрылись. Ничего унижающего и недостойного этого королевского места не происходило. Люди – в праздничной одежде. Почти все, за малым исключением, с белеющими головами: кто белел чехлом форменной фуражки, кто курортной панамой, а кто и просто свежей газетой, сложенной наподобие пилотки или кубанки. Все веселились и пребывали в добром настроении. Это событие не являлось демонстрацией. Просто всех объединял народный праздник солидарности трудящихся всех стран. Я смотрел во все глаза и первый раз подумал, что вот он, город, вот его преимущество по сравнению с нашей захолустной деревенской

жизнью. Вечером того же дня мы с отцом опять пришли на пристань – посмотреть фейерверк и салют. Мы пришли засветло. На реке готовились принять десятки судов и суденышек. Подготовка ночного парада проходила в полную силу. Мы наслаждались ослепительным зрелищем, а когда стемнело и загорелись электрические гирлянды, стало светлее, чем днем. И вдруг все огни погасли. И в небо полетели ракеты, на доковой стороне протоки завертелись круги из огней всех цветов радуги, в центре каждого огненного всплеска виднелась неподвижная пятиконечная звезда. В середине самого большого центрального фейерверка скрещения лучей окружали большой портрет Сталина, и в короне лучей вождь выглядел неотразимо. Если от других фейерверков совершенно такие же расцветшие круги отражались в воде, от Сталина отражения не было. Я спросил у папы: «Почему?» – «Потому что Сталин оказался бы в воде вверх тормашками, только враг народа может такое допустить. Посмотри, видишь, под самый берег подогнули плот, который закрывает неправильное отражение». Я восторженно согласился.

Да, я не приезжал сюда 40 лет. Я ждал свидания с моим праздником, с моим детством и юностью и в душе заранее плакал от умиления.

О, великий удар! Страшное разорение, невыносимое разочарование... 17-й пристани на набережной Астрахани нет. Дебаркадер доживает свой век как складское помещение в отдаленных низовьях Волги. Сообщение между приволжскими районами – только на машинах и паромах. И это при том, что на свете существует Волга! Нелепость, несуразица! Эта грустная нота усилилась, когда в 2014 году, как раз в низовьях Волги, наша группа оказалась в эпицентре кошмарного нашествия саранчи. Мы стали свидетелями того, как легионы всепожирающих насекомых бесконечным валом двигались в одну сторону. Ничто на земле не могло преградить дорогу ядовито-зеленым полчищам. И в сознании вспыхнуло сравнение с гитлеровскими ордами прошедшей войны. Мундиры завоевателей были цвета саранчи. И сейчас становилось неприятно до жути...

Вот я встретился с моей «богиней» в ее современном состоянии... Обшарпанные полуразвалившиеся доки. Небеленый и некрашеный дом бывшего пароходства стоял с забитыми как попало окнами. Мост покосился, а блистательный «ксилофон» потерял все зубы, как девяностолетний старик. Я не рискнул бы на него ступить. Ни одного кораблика, только две-три плоскодонки в обозримом пространстве бороздили мутные воды явно обмелевшей протоки.

Не может быть! Это место совершенно мне незнакомо. Но как же? Вот ведь стоит покосившийся столбик с двумя эмалированными стрелками под прямым углом с выпавшими кусками синей и белой эмали. Из оставшихся потрескавшихся кусочков я, как оледеневший Кай, сложил все-таки первоначальную надпись: «Пристань № 17». Я не верил! Я плакал настоящими слезами, не утирая их. Это обман, это не моя жизнь.

Какие клятвы я давал моей пристани в эту минуту! Какие несбыточные обещания! Мне казалось, что я жил спокойно до сих пор, потому что знал место, к которому можно пристать. А теперь стоял без пристани, без пристанища, без точки отсчета. Прости меня, моя пристань! Осталась память. Только вечная память...

8. НАПИСАТЬ ЗА САТИМЖАНА

Раскаяние всегда запаздывает. Если бы оно происходило своевременно, какое количество страшных событий и неприятных происшествий можно было бы предотвратить! Однако предчувствие беды вместе с позднейшим раскаянием производило бы впечатление мистическое. Люди, которых судьба наделила даром предвидения,

как правило, несчастны. Не лучше ли жить-поживать, ничего заранее не предчувствуя, а худые вести, которые не сидят на месте, переживать по мере поступления в надежде, что они огорчают в последний раз. Иначе невозможно жить!

Ранняя кончина Сатимжана Санбаева – горькая неожиданность. Если бы это можно было предвидеть, я стал бы в тысячу раз внимательнее и записал каждое его слово, чтобы воспроизвести последний писательский замысел во всех деталях и подробностях.

Всем друзьям Сатимжана, всему писательскому сообществу хорошо известно, что начало романа на 29 страницах написано до того, как Санбаева скрутил недуг. Сатимжан собрал достаточный материал, однако все собранное не досталось никому. Сочинять придется заново, и мне хотелось спрятаться за спину своего друга, более смелого и решительного. Каждое его мнение было категорическим и окончательным. О себе такого никак не скажу.

Я оказался в тупике со своим мировоззрением толерантного человека и двигался сразу по нескольким направлениям, не зная, за что хвататься, и с какого конца начать, и к какому завершению прийти. Пока не случился случай.

Мы ехали в один дружественный дом. Собрались в гости вместе с замечательным литературоведом Светланой Ананьевой, да и дом, куда мы ехали за тридевять земель, был писательский, полный книг, замыслов, непоказного оптимизма и доброжелательности, не очень испорченный нынешней цивилизацией с ее непрошенными «тараканами в голове»: имею в виду авторов разного фальшиво-интеллектуального бреда. Какой-то поразительно правильный дом.

С нашей спутницей мы имели за плечами общее астраханское детство, и нам было что вспомнить, о чем поговорить. На этот раз мы ударились в воспоминания о знаменитой пристани № 17, наперебой строили проекты ее восстановления, как памятника советской истории, как драгоценного музейного экспоната. По ходу разговора вспомнили Сатимжана, с сожалением поговорили о прерванной в самом начале, а после пропавшей рукописи о правителе Междуречья Макаше Бекмохаммедове. Водитель машины, случайно «пойманной» нами по дороге в поисках попутного транспорта, – молодой человек лет двадцати трех, прислушиваясь к нашему оживленному разговору, внезапно вмешался: «Это мой предок – прапрадедушка». Далее мы слушали его. «Он был потомственный дворянин, у моего деда сохранились документы о его дворянстве, наградах и деятельности. Он дольше всех управлял Междуречьем, его заслуги в то время отмечены царем и правительством».

Это не могло быть правдой! Неужели удача идет прямо в руки? Парень рассказал несколько эпизодов и предложил показать копии наградных документов, сохранившихся в домашнем архиве. Заодно наш неожиданный помощник сообщил, что его родной дед – правнук Макаша – жив-здоров и собрал материал для целой книги о правителе. Мы попросили водителя приехать за нами, чтобы не искать возвратного транспорта, но, в действительности, назначили нашему новому знакомцу встречу на обратном пути и попросили показать архивные бумаги, а впоследствии познакомить со своим дедом.

Двенадцать страниц копий наградных документов, копию грамоты потомственного дворянина Макаша и двух его старших сыновей молодой человек любезно переснял и подарил. Предварительно созвонившись с дедом, тем самым правнуком Макаша, Еркином Бекмухамедовым, он сообщил его номер телефона и передал приглашение навестить потомка правителя для близкого знакомства и неспешной беседы.

Далее начались муки совести. Я задумал написать роман о Макаше, имя Сатимжана Санбаева на титульном листе оставить в неприкосновенности. О последнем замысле писателя знали многие. Оставалось только придумать убедительную вер-

сию, как рукопись романа попала ко мне. Что мне сказать жене покойного друга, я ведь уже обращался к ней с просьбой все-таки найти начальные страницы романа и передать подготовительные материалы. Я почти не мог дышать, восторгаясь собственным благородством в почитании предка Сатимжана, в собственном авторском бескорыстии. Не скрою, меня сильно привлекала заманчивость благородной мистификации. Я воображал себя почти кельтским бардом III века Оссианом. Нет-нет, скорее, я сравнивал себя с Джеймсом Макферсоном, придавшим мистификации достоверность подлинника. Но так как авантюрные предприятия никогда не являлись моей стезей, я просто испугался, что в дальнейшем соответствовать этому обманному поступку должны мошенничество, составление подложных документов, выверенная последовательность преступного поведения и строжайшего сохранения тайны до конца моих дней. Вот это самое главное, что меня остановило. Подобными способностями я не обладал.

Но оставить дорогой замысел без исполнения... Нет, никак нельзя. Я познакомился с Еркином Бекмухамедовым, внимательно прочитал солидную рукопись, содержащую массу ценнейшего материала, одобрительным отзывом рекомендовал издать большую биографию правителя. А сам приступил к самостоятельному художественному повествованию, как его представлял. И пусть на титульном листе нет имени Сатимжана Санбаева, но эти страницы в его честь и память; здесь, в романе «Пятый сон», высокая творческая душа талантливого друга.

Теперь, дорогой читатель, ты согласишься, как верно передано Пушкиным мое настроение в последней строфе 7-й главы «Евгения Онегина»:

Благослови мой долгий труд,
 О ты, эпическая муза!
 И, верный посох мне вручив,
 Не дай блуждать мне вкось и вкривь.
 Довольно. С плеч долой обуза!
 Я классицизму отдал честь:
 Хоть поздно, а вступленье есть.

Часть вторая

ДЕЯНИЯ МАКАША

1. ПРОВОДИТЬ, КАК ПРОРОКА

Сатимжан Санбаев экспедицию «Каспий: нефть и культура» как-то раз, знаменательно обмолвившись, поименовал паломничеством. Конечно, путешествие по каспийскому побережью в самом деле достойно столь высокого, нерядового обозначения. Обыденность при таком взгляде на происходящее теряет власть над людьми, они задумываются о том, что в повседневной жизни не привлекало, интересовало вскользь и воспринималось в качестве чего-то необязательного. А в путешествии с необычной, можно сказать, праздничной целью, с замыслом особенным, вмешивающимся в рутинные дела и заботы, тебя охватывают большие планы, – былинной речью говоря, силу чувствуешь необъятную.

Вот тогда-то (новое столетие только начиналось) Сатимжан, романист, автор обширной, крупноформатной прозы, в порыве пламенного вдохновения поведал о своей большой мечте – написать повествование широкого охвата о Макаше

Бекмохаммедове. Мы подолгу обговаривали подробности непростого замысла, загорались, остывали, вновь возвращались к личности правителя Междуречья. Великая тема тревожила, не отпускала, но как же к ней подступиться, где тот берег, с которого должно начаться наше плавание по волнам прошлого...

Мы – не знаю, к несчастью, или, напротив, к бесспорной пользе – не имели никакого понятия, что есть на свете настоящий подвижник, за много терпеливых, многотрудных лет собравший целую архивную сокровищницу о нашем избраннике действительно выдающемся в полном смысле слова человеку. Героем кропотливого подвига оказался праправнук Макаша (Мухамеджана Бекмохаммедова). Звали его Еркин Лутфуллаевич Бекмухамедов.

Не раз в дальнейшем общении Еркин Лутфуллаевич признавался в уважительном отношении к русской традиции, принятой «на вооружение» многими казахами на протяжении двух-трех столетий: записывать отчество сына или дочери по отцу. Славная фамилия Бекмохаммедов со временем непременно затерялась бы в глубинах прошлого, загроможденная, заставленная, словно сменными декорациями, бескорневыми фамилиями Мухамеджанов, Фазылов, Шолтыров, Лутфуллаев, Еркинов. Известный в народе предок династии – Бекмохаммед увековечен на сегодняшний день уже в восьми поколениях, если подсчитать детей, внуков и правнуков Еркина Лутфуллаевича.

А в наше время потомки Макаша сберегают фамилию предка, прославившегося значительными делами. Подобное сбережение чрезвычайно важно для неизменного наследования внуками и правнуками доблестных душевных качеств, для сохранения традиций выдающегося прадеда и чтимого тем же Макашем свода нравственных правил. Тот, кому посчастливилось при рождении унаследовать высокое имя прародителя, старейшины неумирающего рода, принимает на себя огромную ответственность и за продолжение в потомстве достойного имени, и за его честь.

Продолжаю свои признания в режиме «сближений».

Пока продолжались мои почти беспочвенные мечтания, судьба торопилась мне навстречу, доброжелательно помогая осуществить очень важное намерение – заслуженно прославить человека редкой души и многих бесспорных свершений – Макаша Бекмохаммедова.

Мне доводилось рассказывать о случайном знакомстве с праправнуком правителя Междуречья. Какое счастье, какое судьбоносное соединение обстоятельств! О Еркине Лутфуллаевиче никак не скажешь, что он из «нынешних, которые родства не помнят». К чести нашего современника, собравшего громадный архивный материал, Бекмухамедов XXI столетия последовательно оберегает каждую частицу памяти.

Итак, сейчас перед нам две чаши воображаемых весов. На одной – неосязаемый груз, по сути дела, призрак начатого, ненаписанного романа, как бы превративший реально существовавшего правителя Междуречья в поручика Киж. Другая чаша весомо отягощена серьезным собранием разнообразных текстов, созданных при жизни Макаша и после ее завершения ради прославления знаменитого человека, беззаветно положившего на алтарь Отечества собственную жизнь, жизнь заступника обездоленных, радетеля родной земли, талантливого писателя, закаленного душевными невзгодами и многотрудными многолетними заботами умного политика, последовательного и осторожного оппозиционера.

Достаточно сказать, что, прощаясь с миром, Мухамеджан Шолтырович бестрепетно и совершенно внятно произнес: «Как жаль, что не привелось дожить до свержения самодержавия!» Отметим, что здесь сказалась честность и независимость

нашего героя. Как там сказано у Киплинга: «Останься прост, беседа с царями!» С Киплингом Макаш знакомство не водил, а вот с правителями Российской империи встречался. Пушкин неспроста, как бы между прочим, отметил одно обстоятельство собственной биографии: «В жизни своей знал я трех царей...»

Макашу Бекмохаммедову довелось знать четырех российских императоров.

Русские самодержцы неоднократно награждали правителя междуречья Волги и Урала орденами и медалями, сам Мухамеджан Бекмохаммедов и два его старших сына получили потомственное дворянство. Карьера царского чиновника начиналась при Николае Первом.

Чингиз Айтматов утверждает, что на заре своей карьеры Николай Первый получил в подарок казахскую юрту, изготовленную по всем правилам народного искусства. Предполагается, что даритель этой юрты хан Жангир. Чингиз Айтматов увидел ее в одном из музеев Германии. Оказывается, Николай Первый переподарил ее Вильгельму – какому по счету, установить не удалось: Вильгельму ли Третьему – прусскому императору или его сыну – ровеснику Николая Первого, будущему императору Второго рейха Вильгельму Первому, – но факт остается фактом: юрта в натуральную величину сохранилась в европейском музее. Макаш присутствовал на торжествах по поводу восшествия на престол императора Александра Третьего, которому подарил золотой макет казахской юрты. Присутствовал и на других имперских торжествах: например, восшествии на престол последнего русского императора Николая Второго.

Мне рукопись моего старшего современника Еркина Бекмухамедова показалась достойной общественного внимания, и я рекомендовал ее к изданию. Свой отзыв привожу здесь полностью во избежание разного рода недоразумений.

Макаш-правитель

«Огорченный интеллектуальной нерасторопностью современников Александр Сергеевич Пушкин писал: "...мы ленивы и нелюбопытны..." Но во все времена, у всех народов рождались люди, к которым подобные упреки никак отнести нельзя. Наоборот, они отличаются постоянной любознательностью, многолетней рабочей деятельностью просветительского характера, неустанным пристрастием к открытиям в области отечественной истории, вдохновенным умением приблизить события и характеры минувших дней к той жизни, что протекает на родных просторах сегодня.

К такого рода бескорыстным и умным подвижникам мы можем с полным правом причислить известного казахского ученого Е. Л. Бекмухамедова. Еркин Лутфуллаевич – профессор, доктор сельскохозяйственных наук, много лет преподавал в Казахском сельскохозяйственном институте. Преподавательскую работу продолжает по сей день.

У сына Макаша – Фазыла в архивных материалах на русском языке встречается фамилия Бекмухамедов (как слышалось) – все потомки Бекмохаммеда носят эту фамилию, что не меняет сути родства.

Но ко всему прочему Е. Бекмухамедов – составитель-биограф замечательного сына казахского народа Мухамеджана Бекмохаммедова (1830–1904). Жизненная судьба добровольного составителя необычного жизнеописания сложилась из событий неординарного порядка: в неблагоприятные тридцатые годы семье пришлось перебраться в Узбекистан. Еркину Бекмухамедову тогда было пять лет.

Но вот что произошло с будущим сочинителем в ранние годы и продолжилось на многие десятилетия.

Как известно, заветы отцов обязывают каждого казаха знать своих предков. Образное выражение «до седьмого колена» прекрасно передает эту неотменимое повеление. Стремление знать свою родословную, спускаться в прошлое по благословенной лестнице, образец которой преподан в Библии (Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...), в крови у каждого сына степи. Гонимый ветром потрясающих трагических событий, Еркин Лутфуллаевич кровно и пристрастно заинтересовался, кто же числится в его предках.

Так произошла встреча нашего достойного современника Еркина Бекмухамедова с предком – человеком позапрошлого столетия. Книга «Потомственный дворянин Мохамеджан Бекмохаммедов, его прародители и потомки» – ждет своего часа.

Несколько слов о Макаше.

Краткие энциклопедические справки называют его просветителем, собирателем фольклора, этнографом и композитором. Сообщается, что в юности Макаш – успешный выпускник так называемой «школы Жангир-хана». Здесь он получил начальное образование. Дальше – Неплюевский кадетский корпус. После не менее успешного окончания кадетского корпуса состоялась достойная честного человека карьера.

Началась она и закончилась во Временном Совете (г. Орда). У истоков карьеры – переводчик, при завершении – советник. В 1897 году кавалер нескольких российских орденов М. Бекмохаммедов в звании есаула становится пенсионером и получает потомственное дворянство.

Еркин Лутфуллаевич постарался охватить многие стороны разносторонней жизни Макаша, человека высокой многогранной образованности, знавшего несколько языков, великолепного знатока фольклора, талантливого литератора, оригинального композитора; сочиненные им кюи до сегодняшнего дня можно услышать и в концертном зале, и в домашнем обиходе. Макаш-правитель, кроме прочего, достоин звания защитника. Он на пятнадцать лет выправил так называемый «белый билет» великому Курмангазы – разрешение свободно жить в междуречье Волги и Урала. Народный композитор, кстати, неоднократно пользовавшийся радушным гостеприимством Макаша, ценил доброе отношение к нему в дружеском доме Бекмохаммедова. Макаш решительно воспрепятствовал неразумным планам православных миссионеров. Он не допустил насильственной замены веры отцов; ислам остался на правах исконной религии казахов.

Драгоценная особенность обширного труда Е. Бекмухамедова – в максимальном охвате материала о долгой жизни Макаша. Здесь и формулярный список, и сведения о Букеевской орде, и знакомство с несколькими шежире (родословными), и лаконичные сведения о каждом, кто может быть включен в большой семейный круг близкой и дальней родни главного героя книги. А вдобавок небольшие новеллы, поучительные истории, рассказы.

Читатель получает в свое распоряжение биографическое повествование, построенное по образцу «Жизни замечательных людей», учебник истории, литературную хрестоматию и дополнительно библиографический справочник. Книгу о Макаше, по замыслу составителя, можно будет раскрыть на любой странице, начать увлеченное чтение и постепенно погрузиться в текст. По мнению Е. Бекмухамедова, говоря о выдающихся казахских просветителях, к именам Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева необходимо присоединить имя Мухамеджана Бекмохаммедова. Историческая справедливость должна восторжествовать.

Необходимо подчеркнуть, пожалуй, главное достоинство «Макаша-правителя». Книга вполне заслуженно должна быть рекомендована для школьных и вузовских преподавателей, для историков, филологов, издателей, журналистов и писателей. Ее

страницы приглашают исследовать большое рукописное наследие Макаша, переиздать его статьи и книги; сейчас они, к сожалению, если можно так выразиться, в раритетной зоне. Можно с уверенностью заметить, что возвращение личности и трудов Макаша Бекмохаммедова своевременно и необходимо для современной культуры – словесной, политической и педагогической. И, конечно, книга правнука – умное и толковое руководство для каждого, кто решится последовать замечательному примеру Еркина Лутфуллаевича и прибавит к родословной Макаша подобные семейные исследования как часть большой народной истории.

Горячо рекомендую книгу Е. Л. Бекмухамедова к изданию.

Гадильбек Шалахметов».

Начало жизни – рождение, затем взросление, череда многочисленных событий, радостных, трагических, пока, наконец, не наступает неизбежное завершение – смерть. Ее не избегли даже пророки. Как проходят печальные проводы покойного в жизнь вечную, нам известно из Библии, из Корана.

Якуба ибн Исхака-аль-Хадрама, народ которого называется Израил, похоронили с большими почестями. Внук пророка Ибрагима, сын пророка Исхака, отец пророка Юсуфа, которому посвящена 12-я сура Корана, скончался в Египте, однако похоронили его в родовой погребальной пещере Мех-Палах. Путь до места окончательного упокоения пророка продолжался более тридцати дней, после чего настали сорок поминальных дней. На протяжении всего печального срока почитающие покойного молились вблизи захоронения.

Происходили эти поминальные события в Египте и Палестине, очень давно и далеко от тех мест, где с почестями, равными тем, с которыми провожали пророка Якуба, прощались с нашим соотечественником. В достославном имени Мухамеджана Бекмохаммедова дважды слышится имя первого мусульманского пророка.

Здесь уместно привести рассказ младшего современника Макаша о всенародном прощании с правителем.

На его похороны прибыли представители Букеевской орды, жители побережья Каспийского моря, берегов Волги и Урала, Астраханской и Саратовской губерний, Казани, Оренбурга, Уральска, Уфы, многих других городов. Макаш ушел из жизни в семидесятичетырехлетнем возрасте. Для приехавших на прощание с покойным приготовили семьдесят четыре юрты.

Каждая юрта предназначалась для того или иного определенного человека. Достойные почести оказывались и ему, и прибывшим вместе с ним сопровождающим людям.

При жизни Макаш не придерживался традиционного деления жен на байбише, токал... Все жены признавались равноправными членами одной семьи. Они, как и другие родственники Макаша, вместе с детьми в соответствии с давними традициями и установлениями переехали на территорию орды и, как и другие приехавшие гости, проживали в специально приготовленных юртах.

Все сорок положенных дней в каждой юрте день и ночь читались поминальные молитвы. Чтобы не нарушались традиции, чтобы все совершалось по заветам предков, за порядком наблюдали триста хорошо известных в мусульманском мире мулл. Под их пристальным взглядом все присутствующие погружались в чтение подбавляющих печальному событию текстов.

Эти высокообразованные муллы, люди высокой религиозной учености, представляли мечети и мусульманские школы Астрахани, Казани, Уфы. Молящиеся, которым не нашлось места рядом со священнослужителями, поскольку благородных людей, стремящихся почтить память народного любимца, собралось очень

много, просто подходили к свежей могиле, произносили благословение, читали аят (главу из Корана).

Макаша Шолтыровича глубоко уважали при жизни, почитали после его кончины, и каждый, кому обстоятельства позволили принять участие в поминальных сорока днях, с искренними словами горя и печали бросал горсть земли на могилу правителя.

Мы, люди XXI столетия, неизбежно зададимся серьезным вопросом: почему скромнейшему из скромных, истинному слуге народа Макашу Бекмохаммедову воздали такие грандиозные посмертные почести? К тому времени, когда Макаш скончался, он не занимал никаких должностей, тяжело болел, пережил семейную трагедию, жил очень бедно, прежние благотворительные дела теперь оказались не по средствам.

Нам остается признать, что необходимо восславить благородство и нравственное совершенство людей века девятнадцатого, иметь постоянным примером достойное отношение к жизни, помнить о родстве с замечательными предками и помогать тем, чья судьба сложилась несчастливо. Так поступал Макаш Бекмохаммедов, человек редких душевных достоинств, неизменно любивший людей, в чьем гостеприимном доме любой страждущий мог найти утешение и спасительную поддержку.

Незабвенный Макаш... Через столетие – наше неизменное поклонение святому человеку, нашему высокочтимому предку...

2. ВОЗВЫШЕНИЕ БЕКМОХАММЕДА

Конец XVIII века... Родственник Абулхаира, султан Каратай стремится стать ханом Младшего жуза. И в августе 1797 года одиннадцать старшин, биев и батыров подают просьбу об избрании Каратая ханом. Имена потомков Торымбет-бия имеются в документах о создании Букеевской орды (1801 г.). Основатель Орды Бокей Нуралы 20 декабря 1801 года переходит во внутреннюю часть Междуречья. Вместе с Бокеем на правый берег Урала перебрались более ста восьмидесяти семейств.

Через год примеру Бокея последовал Бекмохаммед Торымбетов, старшина из рода Шеркеш. Он также не остался в одиночестве, к старшине присоединились не только родственные семейства, но и те, что перешли в Младший жуз, поскольку лишились исконных земель.

Документ от 22 марта 1804 года, подписанный губернатором Г. С. Балконским и министром иностранных дел А. А. Чарторыйским, засвидетельствовал, что аульчане со своим скотом миновали кордон и перешли в уральские степи. Возглавляли вынужденных переселенцев старшина Жубатыр из рода Бериш и Бекмохаммед Торымбетов. Его роду Шеркеш не очень-то повезло на новом месте: уральские казаки из местечка Сарайшик оттеснили новопоселенцев.

Правда, казахи не смирились с участью гонимых. Люди Бекмохаммеда объединились с подданными Пиралы-хана и перешли на правый уральский берег. Позднее последовало официальное признание: осенью 1805 года заседатели Баулинской расправы выдают годовое жалование старшинам Бекмохаммеду Торымбетову и Медету Басманову. Кстати, это не только денежный документ; в нем упоминается, что Бекмохаммед-бий обосновался в Букеевской орде.

Кажется, что старшина из рода Шеркеш прочно закрепился в Орде и все в лучшем виде. Тем не менее архивы сохранили и другой любопытный документ (1809 г.). Губернатор Г. С. Балконский получает от султана Бокея жалобу. Оказывается, старшина Бекмохаммед Торымбетов за восемь лет (1801–1809) не получил никакого жалования – ни копейки.

Досадная неувязка произошла с документами. Как видим, подобное случалось и в прежние времена.

Тем временем карьера Бокея шла в гору. На западе империи назревали великие события: вскоре армия Наполеона Бонапарта перешла Неман и вступила в пределы Российского государства. А в степных краях, на землях Младшего жуза, Бокея избрали законным ханом (24 июля 1812 г.).

Младшая жена хана, родственница Бекмохаммеда, хлопотала за него, и Бокей предложил его на должность главы заседателей. Правда, на царское правительство жена хана никакого влияния не имела, и Бекмохаммед так и не стал во главе «коллегии заседателей».

Зато позднее для старшины из рода Шеркеш наступило весьма деятельное десятилетие, о чем можно судить по многочисленным документам того времени.

Он и поручитель, и участник разного рода судебных схваток за кочевья, пастбища, стойбища, и усердный ходатай за народное благополучие – недаром Бекмохаммеда избрали старшиной; одновременно он – судья (бий). Не всем по нраву судебные решения старшины: однажды его даже оштрафовали. С напраслиной Бекмохаммед не смирился и доказал свою невиновность.

Оправданный старшина пользовался безусловным авторитетом как благонадежный, справедливый и честный человек. Все, с кем судьба сводила Бекмохаммеда, высоко ценили его блистательную образованность. Это относится и к должжителю (сорок лет службы) царского правительства российскому министру иностранных дел К. В. Нессельроде (окраинные земли империи входили в его компетенцию).

Карл Васильевич доверял Бекмохаммеду, и, когда старшина добивался разрешения старшинам и султанам Букеевской орды перекочевать в степные регионы Приуралья, министр решительно поддержал просьбу авторитетного степняка, превосходно владеющего письменной и устной русской речью. И в дальнейшем Бекмохаммед мог рассчитывать на неизменную поддержку Нессельроде.

Старшина Торымбетов вообще мог вершить судьбы. К примеру, он участвовал в выдвижении в ханы Младшего жуза чингизида-торе Жангира Бокеевича и 25 июня 1824 года в числе почетных гостей присутствовал на торжественном обеде в честь избрания Жангир-хана.

Этот обед, проходивший в Уральске, давал оренбургский губернатор П. К. Эсен.

С того времени, что очень важно, все представители – дети, внуки, правнуки, праправнуки авторитетного и основательного семейства из рода Шеркеш на вечные времена обрели фамилию Бекмохаммедовы (по-русски – Бекмухамедовы).

Мухамеджан (Макаш), общаясь с теми, для кого русская речь являлась обиходной, неизменно именовал себя Макашем Бекмохаммедовичем. Такое представление объясняется несколькими причинами.

Макаш, выросший в дедовском доме, где главу семьи всегда называли отцом, оставался любимым внуком Бекмохаммеда. Память о прямом предке Макаша жива, его могила находится в западной части Сосьяктау. Это родина и место возмужания славного внука. Существовало и надгробие, высотой в 20-25 метров; ныне сохранился лишь невысокий холм.

12 декабря 1824 года Жангир-хан подает в пограничную комиссию скрепленное ханской печатью прошение о назначении старшин Бекмохаммеда Торымбетова и Мусрепа Айдаболова старшинами в списке глав рода. До поры до времени присутствие названных старшин при кочевье в Нарын-песках при устройстве зимовок являлось надежной охранной грамотой.

Стоит напомнить, что под защитой и опекой старшин находилось много народа. Скажем, в зимние месяцы 1824–1825 годов в Нарыне оставалось не менее тысячи трехсот семей, а это около пяти тысяч человек и трехсот тысяч голов скота.

К несчастью, те давние времена никак нельзя назвать безоблачными. Противостояние казахов и казаков обострялось. Оренбургская администрация, как правило, защищала интересы казаков в ущерб коренному населению края. Губернатор П. К. Эссен снабдил советника Ларионова указом не подпускать степняков, а также скот казахских семейств к реке Урал.

Советник Ларионов даже подстрекал вооруженных казаков к жестоким схваткам на подступах к Уралу. Последовательно неприязненный, не сочувствующий казахам губернский чиновник уполномоченный Ларионов пренебрежительно писал в рапорте Пограничной комиссии: «Если Бекмохаммед Торымбетов желает перейти на другой берег, пусть сам себе ищет дорогу».

Неосмотрительное, противоречивое поведение губернской администрации, действовавшей по принципу «тащить и не пущать», одновременно разрешавшей и запрещающей, порождало опасную неразбериху, когда все, что имеет отношение к жизни казахского населения, менялось лишь в худшую сторону. И только безоговорочный, решительный авторитет Бекмохаммеда, его неподкупность, нравственная непогрешимость и постоянная справедливость в каждом решении помогали сохранять довольно-таки мирные отношения, национальное и социальное равновесие.

Эти высокие достоинства правителя Междуречья народом не забыты, они сохраняются в легендах в назидание и поучение потомкам.

3. ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА, ИЛИ СЕКРЕТ ГОНЦА

Потомки Чингизхана прославились по всей степи невероятным честолюбием, жаждой почестей и всенародного признания. Таким недугом страдали и дети Абулхаира. Как они старались, чтобы сородичи подняли властолюбивого наследника на белой кошме! Сыновей гнезда Абулхаирова такие венценосные мечты терзали до сильнейшей головной боли.

И все напрасно: в борьбу за высшую власть в Младшем жузе вступили сыновья другого батыра – Нуралы.

Для имперской администрации не оставалось секретом, что институт ханской власти в казахском обществе – прямой путь к обретению степняками государственности.

Предостерегающий документ на данную тему подал императрице Осип Андреевич Игельстром – оренбургский военный губернатор, да и сама Екатерина Вторая, которой не откажешь в проницательности, неоднократно задумывалась, как предотвратить выход Нуралы из подчинения России.

Спокойное, ненасильственное решение так и не нашлось. Екатерине Великой пришлось действовать грубо и бесцеремонно. Июнь 1786 года стал роковым для хана Нуралы. По специальному указанию императрицы у него вначале отняли наследственные властные полномочия, а позднее заточили в Уральскую укрепленную тюрьму, затем узника перевели в Уфу, подальше от родной земли.

Через четыре года, будучи уже в преклонном возрасте, Нуралы скончался. Наследная череда продолжается: спустя два года ханом становится младший брат покойного хана – Ералы, также человек далеко не первой молодости. Ему не удалось властвовать в степи больше трех-четырёх лет, к тому же с каждым годом усиливался душевный недуг высокородного старца.

Ему на смену пришел еще один брат, еще один старик – Айшуак (1720–1810). Когда настало время передать бразды правления молодому наследнику, ожидалось,

что престарелый хан выберет красноречивого Каратай-султана, известного своей смелостью и непреклонностью в общении с российской администрацией.

Однако в завещании Айшуака имени Каратая не оказалось, что вызвало недовольные толки во всех тридцати домах сыновей Нуралы. Называлось другое имя – хан передавал власть Жанторе (1759–1809).

Пока совершались все эти события, пока в степи и за ее пределами продолжались бесконечные разговоры о престолонаследии, кочевые становища Междуречья потрясла поразительная новость: ханского звания удостоили сына Нуралы – Бокея. Главное, что всей Орде и за ее пределами стало известно из уведомления Бокею, что царская грамота на ханство уже в Оренбурге.

Остались в стороне прямые наследники, считавшие себя по возрасту и достатку более родовитыми. Они беспрерывно возмущались, строили злокозненные планы. «Кто такой этот худородный Бокей, прикормленный русскими, каким-то образом вымоливший в канцелярии генерал-губернатора ханскую грамоту? Чтобы мы отдали должность и звание, принадлежащие нам по праву?! Пусть только попробуют вручить грамоту несчастному Бокею. Мы тотчас отнимем ее и разорвем в клочки!»

«Близок локоть, да не укусишь!» – справедливо говорит русская пословица.

«Что предпринять?» – напряженно размышляет Бокей, хорошо понимающий, что угрозы противников – не пустое дело. Поедет за очень важным документом он сам, в сопровождении группы крепких джигитов, произойдет именно то, к чему готовятся несогласные сыновья Нуралы. И без тяжелых последствий, вплоть до жестоко пролитой крови, не обойдется. Самому оставаться на месте, отправить родственников... Что изменится? Совершится то же, о чем беспокойство и тревога.

Может быть, поручить совершенно посторонним людям?

Нет, разумеется: довериться кому-либо чужому невозможно.

Бокей созывает специальный совет: приглашает всех предводителей родов, всех подчиненных ему, рассказывает, что необходимо получить у генерал-губернатора Оренбурга царскую грамоту и доставить ее в Орду. Не скрывает, что расстояние – дальше, предприятие – опасное, что необходимы проворство и осторожность рыси, дерзость и отвага тигра. И привлекать внимание нельзя: должны отправиться только два-три человека. Если больше – это вызовет подозрение, а там недалеко и до разоблачения. Спрашивают, какова причина поездки? Отвечает – недовольство местной властью. Земельные споры, кражи скота, похищение имущества, прочие преступления...

На совет явились двенадцать человек, и собравшаяся степная элита принялась обсуждать сказанное. Первоначальное горячее восхищение предложенным планом продержалось недолго. Стали высказываться разные сомнения. «Нет, все может кончиться очень плохо: от джигитов Нуралы пощады ждать не приходится – прикончат, и вся недолга. И не только с нами расправятся, еще и потомкам достанется». Отговорки множились, и замысел Бокея стал казаться невыполнимым.

Наступило долгое тягостное молчание. «Да, – огорченно произнес Бокей, – смельчаки, очевидно, отправились грабить и разбойничать или славно устроились вокруг блюда с угощениями и русским самоваром...» «Повелитель, – из круга, бросив камчу на середину гостевой юрты, выступил Бекмохаммед, предводитель рода Шеркеш. – Я, с милостивого соизволения Аллаха, попытаюсь. Мне нужны два сопровождающих джигита и темно-гнедая лошадь с черной гривой и черным хвостом. Как только появятся джигиты и лошадь, подпояшусь широким платком, и тронемся в предназначенную дорогу».

Замолчали остальные предводители, слова не проронил и сам Бокей.

«Послушай, – наконец нарушил молчание старший из двенадцати, – не будем говорить, что и до Оренбурга добраться не так-то просто, но как ты проедешь через сторожевые посты? Предположим, губернаторскую грамоту ты получишь, а как возвратишься? Этот единственный документ не станет защитой, когда тебя в междуречье Волги и Урала остановят казаки. Расскажи, как ты готов преодолеть опасные препятствия, какую хитрость задумал».

Собравшиеся предводители приготовились узнать дерзкий план храбреца Бекмохаммеда. Но долгожданного признания не последовало. Глава рода Шеркеш словно лишился дара речи. Он думал: «У дома снаружи могут оказаться чужие уши. И разве здесь, между нами, не может найтись разговорчивый человек? Кому же, как не мне, позаботиться о сохранении драгоценной тайны?»

Никто не начинал разговора, все с нетерпением посматривали друг на друга, на Бекмохаммеда, ждали, что вмешается сам Бокей и задаст главный вопрос. Тем не менее и хан не прервал молчания.

Тогда Бекмохаммед встал, поднял камчу и направился к выходу. Там он остановился, почтительно прижал руку к сердцу и обратился ко всем присутствующим. Правда, взор устремил на Бокея:

– Мне смерть без надобности. Обещаю, что намеченное исполню. А дальше – все в воле Аллаха, если суждено, вернусь с грамотой. Ждите...

Долго ли, коротко ли, добрался ханский гонец до Оренбурга, постучался в заветную дверь канцелярии генерал-губернатора, взял из его рук драгоценный документ. На ночь в Оренбурге не остался, на постоялом дворе не задержался, помня русскую поговорку «Береженого бог бережет».

А на обратном пути, хотя гонец возвращался глубокой ночью, люди потомков Нуралы, жаждавших наследственной власти, все-таки задержали Бекмохаммеда, попал отважный человек из рода Шеркеш под перекрестный допрос.

– Откуда вы, казахи, из каких мест?
– Живем на Волге, в Бокеевской орде.
– Откуда путь держите?
– Из Оренбурга.
– Что вы там забыли?
– Наш скот перешел брод, помял прибрежную траву, вдобавок помешал рыбе нереститься. Напуганные самки выбросили икру. Вот казаки и обвиняют нас, не возвращают захваченный ими скот, штрафов набралось немерено.

– Так ничего больше не скажешь, ничего нет больше?
– Да что говорить, ничего больше нет.
– Признавайся, Бокей приезжал с вами в Оренбург?
– Нет, хан вообще никуда не выезжал, он в своей ставке.
– Правду говори, не было его здесь?
– Нет.
– А не получил ли он ханскую грамоту?
– Мне это неизвестно.
– А почему?

– Мы – люди простые, нам ничего не говорят.
– Давай не говори, слушай, вы не простые жалобщики! Нам известно, что вы получили от губернатора ханскую грамоту. Давайте ее сюда и проваливайте с богом, что наплетете Бокею в оправдание, нам неинтересно, зато унесете ноги отсюда целыми и невредимыми. Ну, где грамота?

Стражники, конечно, не поверили ни одному слову Бекмохаммеда. Неторопливо, придирчиво, с угрозами допрашивали и его самого, и двух спутников. Тщательно

обыскивали. С особенным вниманием осматривали конскую упряжь. Проверjali боковую кожаную лопасть седла, кошмяной потник (не зашита ли здесь грамота?), перебирали уздечку, словно четки из Мекки, прошупали подушки, уделили внимание даже ремням, прикрепляющим стремяна к седлу...

Грамота так и не нашлась. Раздосадованные стражники, не накормив путников, даже не предложив им куска хлеба, поздним утром нехотя отпустили – продолжать путь.

Вскоре по степи разнеслась весть, что царское повеление – грамота от генерал-губернатора получена и вручена хану Бокею. А те самые искатели чужих грамот никак не могли в это поверить, говорили, что Бекмохаммед этого совершить не мог.

Когда Бокей принял из рук предводителя рода Шеркеш желанную грамоту, он поинтересовался:

– Дорогой Бекмохаммед, я восхищаюсь твоим умом, твоей непреклонной волей и изобретательностью. Открой, как ты смог перехитрить и казаков, и пограничников, купленных моими завистниками, и удачно обойти все преграды.

– Уважаемый Бокей-хан, наша удача предопределена Богом. Очевидно, и вороная красавица, на которой ты отправил меня в дальнюю дорогу, заслуживает доброго слова. Давай пройдем в конюшню, чтобы ты благословил ее верность – она со-служила службу безупречную.

Присутствовавшие при разговоре Бекмохаммеда с ханом пошли за ним и за Бокеем.

Предводитель рода Шеркеш остановил всех:

– Нет, нет, повелитель желает благословить лошадь без свидетелей.

Когда два человека пришли в конюшню, Бекмохаммед встал рядом с лошастью, и в руках у него оказался небольшой кожаный мешочек.

– Здесь и нашла надежный приют ханская грамота, – сказал Бекмохаммед и сделал неуловимое движение: мешок на глазах изумленного Бокея исчез.

Хан вопросительно, ничего не говоря, смотрел на Бекмохаммеда.

– И где же находился мешок?

– Уважаемый хан, позволь эту тайну открыть только тебе. Возможно, этот секрет когда-нибудь пригодится вновь. Спасший грамоту кожаный мешок, собственноручно сшитый мной, я привязал под пышный хвост вороной кобылы. Разве моя вина, что стражники оказались столь неудачливы в поиске? Не вижу своей выдающейся доблести – народ такой недогадливый.

Ум и волю деда, редкую сообразительность и решительность в преодолении препятствий, какими бы трудными они ни казались, счастливо унаследовал Мухаммеджан (Макаш) Бекмохаммедович Бекмохаммедов, правитель междуречья Волги и Урала.

4. СОВЕЩАНИЕ НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ В КОНЬИРЕ

Младший жуз (он обосновался во Внутренней орде, в междуречье Волги и Урала) всегда оставался территорией, где беспрерывно кипели яростные споры, словесные и не только – о воде и земле, о политике хана. Да и отношения с внешним миром, с казачьим сообществом, с беспокойными соседями – калмыками, с губернской администрацией и самим генерал-губернатором – никак нельзя назвать однозначно миролюбивыми.

Время от времени обстановка в Орде накалялась, и требовалось разбираться с противостоянием быстро, бескровно, без широкой огласки.

А спорить было о чем, было и кому. Уже в правление хана Жангира начались народные волнения.

Выдающиеся, авторитетные бии Махамбет и Исатай сколотили серьезную оппозицию хану Жангиру. Хан провинился: он раздавал земли Младшего жуза своим родственникам, по большей части чингизидам, не обходил милостью покорных приближенных. Махамбет с такой ханской бесцеремонностью смириться не мог, и вскоре по степи стрелой полетела беспощадная эпиграмма: «Ты – казах с калмыцкой желчью, ангел ты с повадкой волчьей».

Смысл поэтического обвинения, высказанного народным любимцем, выдающимся поэтом, все прекрасно понимали. Эпиграмма предостерегала хана: нельзя противопоставлять себя народу, не стоит похвастаться высокородным происхождением от Чингизхана. Завоевателя-монгола казахи полагали исчадием ада. Прощать Махамбету такие бесстрашные, непримиримые обвинения хан не собирался.

А ведь счет Махамбета к Жангиру своей значительностью превышал эти откровенные строки.

Просвещенные люди, Махамбет и Жангир высоко ценили друг друга. Жангир поручил поэту, владевшему семью восточными языками, заниматься дипломатическими делами, вести переписку на русском, персидском, турецком, на других языках.

Взаимоотношения оставались лучше некуда, пока хан не нарушил равновесие, пока не унизил Махамбета, определив его в «дядьки» к собственному сыну. Хан на пять лет отправил сына вместе с воспитателем учиться в Оренбург. Практически он устранил поэта из кипящего котла общественного недовольства, где авторитет Махамбета был непререкаем, тем более Махамбет был рыцарем дела, а не только споров. Все эти годы в Оренбурге Махамбет стремился как можно больше читать, набираться знаний, он учился лучше ханского отпрыска.

В губернском городе поэт познакомился с чиновником по особым поручениям Владимиром Далем. О подобной ситуации можно в шутку сказать, что «щучу бросили в реку». Владимир Иванович, человек открытой души, доброго сердца, образованный, проявлявший интерес к казахам, к культурному наследию степняков, познакомил Махамбета с Пушкиным. По мнению некоторых исследователей, рукопись эпоса «Козы Корпеш и Баян-сулу», найденная впоследствии в бумагах Александра Сергеевича (почерк документа не принадлежал Пушкину), передана великому русскому поэту именно Махамбетом.

Махамбет протестовал против должности семейного «дядьки-воспитателя» при дворе хана, гордость не позволяла соглашаться с таким двусмысленным положением. Поведение Махамбета становилось все более вызывающим и непримиримым, пока не переросло в настоящий бунт.

Жангир добился, чтобы непокорного воспитателя отправили в тюрьму. Тюремное заключение прекратилось только через два года: узник совершил благополучный побег.

Они стали врагами, хотя такой поворот событий многие признавали нежелательным для хана. Разумные сородичи и соотечественники призывали Жангира не нагнетать обстановку, помириться с прославленными батырами, пойти на уступки, признать справедливыми требования уважаемых в народе биев Исатая и Махамбета. Однако хан не пожелал смирить гордыню.

Для решения, кто прав и кто виноват, Жангир отправился в аул Коныр. Там собрались авторитетные бии Бокеевской орды, прибыл султан Баймагамбет. Повестка дня обозначилась обширная: каждый участник приготовился решительно и обстоятельно отстаивать свое видение событий, свое мнение о том, как исправить существующее положение вещей.

Вот краткое изложение встречи в ауле Коныр.

Казы-би: «Жангир, ты – уважаемый гость нашей земли. Поэтому просим тебя начинать».

Жангир-хан: «Если оказываете почет и уважение гостям, то пусть первым держит речь самый старший – Балкы-ага».

Казы-би: «Уважаемый Жангир-хан, возраст – не повод для почестей, заслуги исчисляются по делам. Позволь напомнить тебе, что храбрые батыры Исатай и Махамбет – твои родственники. Однако ты обошел вниманием и того, и другого, не удостоил приглашения на эту встречу. Надо ли говорить, что почтенный Балкы – вовсе не ровня отсутствующим батырам. Приличней тебе самому высказаться».

Конечно, Жангир прекрасно понимал, что говорить может только человек достойный. Так что Балкы не подобало опережать всех. На слуху присутствующих была строчка из стихотворения Махамбета: «Балкы – не орел состязаться со мною».

Некоторое время хан не поднимал головы, смотрел прямо перед собой и молчал.

Жангир-хан: «Раз мы отказываем Балкы-ага в праве говорить первым, предлагаю, чтобы говорил Шомбал-би».

Казы-би: «Вынужден вновь не согласиться с тобой, уважаемый Жангир-хан: наш гость Шомбал-би – непоседа и скиталец. Достаточно пройти территории Ойыл, Кыыл, Жем, Сагыс, чтобы заметить – там еще не высохли следы его телеги. Сам подумай, можем ли мы доверить казахскому ногайцу представлять двенадцать родов Баулинского племени?»

Жангир-хан: «Поразмыслив, прихожу к такому решению, с которым, надеюсь, согласятся все».

Охрипший Жангир-хан неторопливо осушил пиалу с кумысом и продолжил: «Тогда дадим слово Бекмохаммед-бию».

Казы-би: «Да, ты прав: среди собравшихся есть шеркеш Бекмохаммед-би. Мы хорошо знаем сына почитаемого всеми нами известного бия Торымбета. Мой отец, Сырым Нуралы, вознамерился напасть на хана, о своих военных планах поспешил оповестить все три жуза, даже собрал немалое войско. Однако у Торымбета-би имелось собственное мнение, противное намерениям моего отца. Торымбет-би приехал к моему отцу и сказал: «Уважаемый Сырым, не затевай свары, не нарушай народного спокойствия!» Очень мудро поступил Торымбет-би. Наверное, отцовская мудрость свойственна и сыну: и ему дороги мир и спокойная жизнь сородичей».

Бекмохаммед-би: «Для долгих речей нет времени. Исатай и Махамбет не согласны дальше терпеть неуважение и притеснения. Нам надо сохранить всю нашу мудрость и со всеми несогласиями разобраться, не прибегая к вооруженному противостоянию. И нельзя позволить, чтобы наши споры решали люди со стороны, чиновники, которым незнакомы и чужды наши обычаи, наши собственные обстоятельства. Надо отправить к батырам посольство, предложить мирное решение, законные требования непременно и безоговорочно удовлетворить».

Встреча, о которой только что рассказано, происходила до 1837 года.

Этому собранию предшествовало обращение Исатая к генерал-губернатору Перовскому. Представитель Малого жуза жаловался на хана Жангира, грабительски распределявшего земли для кочевий, что довело многих соплеменников хана до полного обнищания. Жангир не остался в долгу: предложил Перовскому при помощи российского военного контингента расправиться с заступниками справедливости.

Мудрые слова Бекмохаммеда Торымбетова пропали втуне. Ими пренебрег Жангир, и на сторону хана встал генерал-губернатор. После гибели Исатая в 1838 году каким бы то ни было надеждам на примирение настал конец. Недальновидность Жангира вскоре обнаружилась вполне. О конфликтной ситуации в Букеевской орде стало из-

вестно Николаю Первому. Решение российского самодержца вышло окончательным, не подлежащим обсуждению и отмене: «Двум царям в России не бывать!»

Право на высшую власть в степи получил султан. Скоропостижно произошла смена двух султанов. Третьим назначенным султаном был Баймагамбет. Ему принадлежала безраздельная власть.

Трагические события пошли неостановимой чередой: смерть стала частой горестью в семействе Жангира, утратившего ханский титул. Сам он умер в возрасте 44 лет, ненадолго пережили опального хана сын и две жены. Через год после кончины Жангира убит Махамбет – поэт-воин.

Макаш Бекмохаммедов – младший современник Махамбета. В 14 лет Макаш закончил школу Жангира, хан позаботился, чтобы способный юноша получил рекомендацию в оренбургское Неплюевское училище, которое он успешно закончил.

Конечно, Макаш ценил благотворное вмешательство в его судьбу хана Жангира, что не мешало ему иметь самостоятельное мнение о том, что происходило в степи и в России. Он разумно помалкивал, однако молчание вовсе не означало согласия. Приходилось приноравливаться к обстоятельствам, к зависимости от российской власти, приходилось искать и находить компромиссные решения, поскольку только таким образом можно было защитить казахов от всевозможных бедствий. А подобных бедствий хватало с избытком: земельная реформа, попытки царской администрации навязать степнякам иную веру, бескормица и гибель скота, непосильная арендная плата...

Макаш добивался репутации верноподданного, чтобы с большим правом помогать сородичам. Тем не менее являлся ли Макаш стопроцентным слугой имперской власти? Пожалуй, личность правителя Междуречья намного сложнее, намного более загадочна. Тем более необходимо присмотреться к жизненному пути Макаша Бекмохаммедова как можно ближе, чтобы разглядеть наиболее важное и сокровенное.

А теперь вернемся в 1846 год. Султаном Младшего жуза тогда уже второй год был Баймагамбет...

Услышав о смерти Махамбета от своей матери во время отпуска, 16-летний Макаш – лучший из учащихся Неплюевского училища рыдал, как ребенок. Это имя ему было хорошо известно, он знал многие стихотворения поэта на память и сохранил память о нем на всю жизнь.

5. КАМКА – МАТЬ МАКАША

Мать Макаша Бекмохаммедова – красавица и умница. А то, как она стала женой не блиставшего особенными достоинствами Шолтыра, просто добросовестного, справедливого и исполнительного человека, история необыкновенная. Он закончил юридический факультет Казанского университета, служил ханским советником, являлся старшиной рода Шеркеш. Он не заботился о государственной карьере, мешала не слишком инициативная натура.

Отец Шолтыра Бекмохаммед – человек иного склада. Неугомонный, энергичный, не понимающий, как можно сидеть и ждать у моря погоды. Он мечтал о достойном наследнике, а разве можно заботу о продолжении рода пустить на самотек?

Как только до Бекмохаммеда доходили толки о красивой, неглупой девушке, он тотчас отправлялся в дорогу. Так добрался до аула Сарета. Здесь не знали действительной цели приезда отца Шолтыра, но встретили приехавшего со спутником сердечно, с распростертыми объятиями. Вместе с Бекмохаммедом приехал его ровесник – Куткельды, приглашенный на тот случай, если возникнет срочная нужда в свате.

В восьмиканатной юрте совсем скоро не осталось ни одного свободного места: никто в ауле не хотел пропустить редкую возможность – присутствовать, когда Сарет принимает такого знатного гостя, почувствовать себя ровней Бекмохаммеду. Все посматривали на дочь бия Сарета, миловидную Камку. Девушка помогала разливать чай, летала по юрте, как птичка. Однако застолье продолжалось недолго: Бекмохаммед и Куткельды сослались на неотложные дела и, почтительно отблагодарив хозяев, отправились в обратную неблизкую дорогу.

Когда два бия остались одни, без свидетелей, Бекмохаммед спросил:

– Что скажешь, как показалась тебе дочь Сарета?

– На мой взгляд, очень хороша. Мне пришлось по душе и она сама, и ее семейство.

– Послушай, у меня на примете имеются и другие семейства, где есть девицы на выданье, может, не будем торопиться?

– Беке, ты же знаешь пословицу «Кто долго выбирает, может попасть на плешивого». Девушку потеряем: такая красавица, да еще из благородной семьи, полагаю, у многих на примете.

– Умный друг в советчиках – большего и желать не надо. Ты прав, – Бекмохаммед рассмеялся, как человек, сваливший тяжелую ношу. – Пропустим день-другой, чтобы не медлить дальше, и возвращайся к Сарету. Теперь поедешь не простым гостем – будешь сватать Шолтыру невесту.

– За сына решаешь, а что он сам-то скажет?

– Что же он может сказать? Красавица, каких поискать. Походка – нежнее весеннего ветерка. Внимательная, обходительная, скромная – старшим в глаза прямо не смотрит. А какие волосы! Всем казахским девушкам на зависть. И статью подходящая – не худышка, не заморыш, зато стройна и быстронога. Такой другой сыскать не суждено. Вот кому судьба предназначила принести наследника рода. Да мой Шолтыр будет сам не свой от радости. Да ты только имя девушки послушай – Камка! Атласный шелк, значит, китайский. Не проворонь: такого второго счастливого случая не дождешься. Отправляйся и возвращайся с добрыми вестями.

Когда в аул Сарета приехал Куткельды-би и сказал про свою цель – сватовство, Сарет, человек непростой, не любящий откровенничать, обладающий пронизательным умом, рассмеялся:

– Да если бы уважаемый Бекмохаммед поступил иначе, это был бы другой человек. Когда ты приезжал в прошлый раз, хоть и помалкивал, держался скрытно, никаких планов не открывал, мне подумалось, что некая важная новость не заставит себя ждать. Как бы там ни было, новость – хорошая, предложение Бекмохаммеда принимаем с благодарностью. Дочь спросим.

Камка просто, с большим достоинством сказала, что согласна.

Назначили день свадебного пиршества.

Сарет-би, как и положено, оповестил ближних и дальних родственников, всю округу о предстоящей свадьбе. Казалось бы, все хорошо, празднично начинается жизнь новой семьи. На беду, Куткельды-би совершенно случайно подслушал, как невеста прощалась с родными людьми.

– Покидаю родной кров, оставляю здесь все милое сердцу, в мужнином доме никто не будет меня звать по имени, меня ждет безвестность.

Печальные слова Камки сильно огорчили Куткельды. «Бедняжка, – подумал он, – что ее тревожит: неизвестность, пренебрежение к ней со стороны новой родни... Все-таки это какое-то безрассудство – предполагать только плохое... И зачем ей известность?»

Тем временем свадебные торжества развернулись в ауле Бекмохаммеда. Они продолжались несколько дней, но когда обозначился небольшой перерыв в праздничном распорядке, Бекмохаммед пригласил на беседу Куткельды-би:

– Прости меня, если мои сомнения несправедливы, однако все ли ты поведал об успешном сватовстве? Неужели моя дорогая сноха, расставаясь с отчим домом, не поделилась с близкими своими чувствами, никому не открыла сердца, не сделала душевного признания? Ты же находился неподалеку, наверное, многое слышал...

– Биеке, вы меня очень удивили. Я просто в недоумении. Я хотел утаить от вас... Вы же не могли знать о прощальных словах мужественной девушки. Прошу вас, не принимайте близко к сердцу то, что я вам расскажу. Откровенно говоря, Камкá на пороге родного дома сказала провожающим ее женщинам, что останется в неизвестности, а им рано или поздно придется об этом узнать.

– Слава Богу, наша сноха очень умна и будет мужественной родственницей. Останется в неизвестности только ее имя. Такие понятия, как Бекпембет-би, аул Бекпембета-бия никогда не померкнут. Даже в свете такой звезды, как моя сноха, даже тогда, когда моя земная судьба завершится и, по воле Аллаха, мне придется покинуть этот мир, имя моей невестки никогда не будет произноситься. В народе станут говорить о ней: «А, это сноха Бекмохаммеда-бия». Перед именем снохи всегда будет называться мое имя. Умная дочь Сарета-би заранее предвидела и предсказала такой поворот событий. Так что, дорогой Куткельды, угомонись, нет никакой причины волноваться. Попади наша сноха в другой аул, там каждодневно повторяли бы: «Старшая жена сказала». Это определение вместо имени распространилось бы в народе. Вот она, известность...

Оправдались с честью слова Бекмохаммеда. Имя его снохи со дня приезда невесты в аул к жениху никогда не произносилось. Лишь впоследствии стали постоянно говорить: старшая жена Шолтыра из аула Бекмохаммеда.

И только Макаш, обращаясь к матери, называл ее по имени. Камкá безмерно любила сына, отдавала ему всю душу. А Макаш потому и оставался всю жизнь добрым, незлобивым, заботливым человеком, что подрастал, защищенный любящей матерью и необыкновенной славой деда. Макаш, к сожалению, недолго прожил вместе с матерью под родительским кровом. Он стремился получать знания, но в ауле школы не имелось.

Пришлось ему учиться русскому языку у муллы, затем продолжить обучение в астраханской школе Жангир-хана, позже Макаш переехал в Оренбург и поступил в Неплюевское кадетское училище.

Никогда он не забывал о матери Камке, читавшей обожаемому сыну стихи Махамбета и с каждой ярмарки привозившей любознательному мальчику русские книги. Они ему полюбились куда больше игрушек, сластей и прочих подарков.

6. ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

Правитель Междуречья Макаш Бекмохаммедов всегда оставался последовательным, бескомпромиссным и бесстрашным просветителем. Приспосабливаться, угождать какому-либо начальству, заискивать и понуждать подчиненных к холопству он себе не позволял ни при каких обстоятельствах. «Девиз моей жизни, – много раз говорил Макаш, – напечатан на первой странице пушкинской "Капитанской дочки": "Береги платье снову, а честь смолоду"». Сбережение в целостности и сохранности отцовской веры, старинных обычаев и национальной культуры – задача сложнейшая. А единомышленников, смелых помощников можно пересчитать по пальцам одной руки.

И вот один из тех, о ком говорит правитель, как-то вечером заходит в его служебный кабинет встревоженный и взъерошенный:

– Мухаммеджан Шолтырович, поговаривают, что Ибрай Алтынсарин намерен обращать казахов в православную веру, что в его училище завезли нательные крестики. Будто бы Ибрай-мугалим полагает, что мусульманство на территории империи возможно без особого ущерба заменить на православие, что разные религии в одном государстве – это противоречие, которого не должно быть.

Макаш помрачнел.

– Не первый раз слышу об этом. Досужие люди уже распространяли заведомую клевету на порядочного человека, что, дескать, мой младший современник и добрый знакомый Ибрай Алтынсарин тратит непомерные народные деньги на то, чтобы отлучить казахских детей от казахской культуры, от традиционного семейного воспитания, что в его пансионе пищу для казахов и русских готовят в одной кухне. В подлых наговорах на прекрасно образованного учителя русского языка доходят до лживых утверждений, что Алтынсарин поклялся русской администрации (любопытно, на Коране или на Библии?) окрестить всех казахов, причем сам крещен давным-давно, и на шее у него православный крест.

Макаш никак не мог поверить, что такой авторитетный человек, как Алтынсарин, мог ввязаться в столь сомнительное и безнадежное дело: казахи – не язычники, мечеть – не капище. К вопросам веры соплеменники правителя подходят весьма серьезно.

Одним словом, чаша терпения Макаша переполнилась. Не откладывая дела в долгий ящик, правитель отправил Алтынсарину письмо, в котором сообщил, что в ближайшее время собирается приехать в Оренбург по служебным делам и просит его также прибыть туда для откровенного разговора без свидетелей.

Алтынсарин очень уважительно относился к Макашу, почтительно называл его учителем жизни; с ответом не промедлил и заверил, что найдет повод оказаться в Оренбурге в назначенное время.

...На дворе стояла ранняя весна 1874 года. Макаш, не так часто выбиравшийся на природу, заторопился с поездкой в Оренбург, чтобы полюбоваться прекрасными начальными весенними днями. Зацвели маки. Маленькие ярко-красные факелы живыми огоньками трепетали по всей степи. По дороге в Оренбург ни возница, хорошо знакомый правителю смельчак и храбрец, ни вооруженный всадник, взятый для защиты от лихих людей, проникающих сюда со стороны неохраемых туркменских земель, не докучали Макашу назойливыми расспросами и бесконечными путевыми рассказами. Возница почти неслышно напевал незнакомую мелодию, а джигит-охранник вообще за всю долгую дорогу не проронил ни слова.

Долгожданная встреча произошла во второразрядной губернской гостинице: Макаш не хотел привлекать к себе повышенный интерес. Оренбургская администрация, прослышав, что в городе находится правитель Приморских округов, чиновник достаточно высокого ранга, прислала человека на тот случай, если понадобится какая-либо помощь. Однако Макаш решительно отклонил любые попытки губернской власти оказывать ему казенное внимание, не пожелал быть в положении почетного поднадзорного. Необходимо было сохранить секретность разговоров, сберечь доверительность общения с провинциальным учителем.

За нехитрой гостиничной трапезой Ибрай Алтынсарин подробно поведал приехавшему издалека собеседнику о своем житье-бытье, поскольку прекрасно понимал, что озабоченному тревожными событиями правителю, государственному человеку, интересна каждая подробность: он же чувствует ответственность за состояние народной жизни и должен знать как можно больше.

Макаш слушал и по ходу рассказа делал краткие пометки в карманной записной книжке. Остановился Ибрай, замолчал. Ничего не говорил и правитель. Очевидно, долгое молчание было необходимо, чтобы обдумать обстоятельный монолог Алтынсарина. Нескончаемая тишина обеспокоила Ибрая, но когда он, смутившись, посмотрел в глаза Макаша, убедился, что оснований для тревоги нет.

Тем более что Макаш почувствовал невеселое настроение молодого человека и успокоительно поднял ладонь:

– Очень вы меня порадовали, я совершенно согласен, что нельзя вот так бросаться со всех ног или, как говорят русские, расшибая лоб, выполнять требования властей. Новации – это еще не закон. Мало ли что кому придет в голову. На мой взгляд, народные традиции и обычаи – вот испытательный инструмент для какого бы то ни было новшества. Серьезное достижение, настоящая, необходимая новация – создание на основе кириллической азбуки казахского алфавита. И опять-таки ни к чему рубить сплеча, вводить кириллицу с завтрашнего дня. Постепенно, шаг за шагом – вот тактика и стратегия в обращении с письменностью славянского образца.

К слову скажу, мне, как и вам, никакого труда не составляет читать и писать арабское начертание казахских слов. Сам до конца жизни не собираюсь расставаться с умением, завещанным дедом и отцом. Но поскольку знаю и русский язык, свободно, без затруднений прочитал ваши рассказы: они нравятся мне, и хорошо, что вы их сочинили с точным методическим прицелом. Они, конечно же, подстегнут изучение не только русского языка, но и русской литературы.

– Причем все произойдет естественно, – прибавил, поддержав Макаша, Алтынсарин, – поскольку насильственная русификация ни к чему хорошему не приведет. Просветительство – дело деликатное. Зачем же мешать казахской молодежи преодолевать аульную косность и заторможенность без потрясений, с любовью и уважением к старшему поколению?

– Прекрасно, что существуют ваше милосердное настроение, ваше доброе отношение к казахским детям. Это – будущее народа...

Макаш остановился. Правителю не хотелось дальше расспрашивать Ибрая, потому что учитель, стесненный своим официальным положением, вполне возможно, не стал бы рассказывать все, как есть. Неполная искренность никак не устраивала гостя.

Все-таки он спросил:

– Помогает ли вам губернская администрация, знает ли, что происходит в вашем учебном заведении, поддерживает ли ваши просветительские усилия?

– Откровенно говоря, построить хорошие отношения с губернатором, Николаем Андреевичем Крыжановским, не так-то просто. Он – такой праведный законник, не пропускает в губернской действительности ни одной мало-мальски заметной мелочи. Обожает сочинять предписания и составлять указы. Это все бы ничего: административный зуд – болезнь распространенная не только в наших краях. Так ведь милейший Николай Андреевич, предписывая и указывая, дополнительно назначает, когда все необходимо непременно исполнить. К примеру, киргизов (так Крыжановский именует коренных насельников края) следует обратить в православие в трехмесячный срок.

Очевидно, образец для нашего губернатора – равноапостольный князь Владимир, загнавший некрещеных киевлян в Днепр. А киргизам, скорее всего, в качестве православной купели приурочено озеро Балхаш. Причем это не единственная причина для постоянных претканий с губернатором. Поневоле подумаешь, что его голубая мечта – сотворить из провинциального Оренбурга щедринский город Глупов, а Угрюм-Бурчеев – вторая, более подходящая Николаю Андреевичу фамилия.

– Значит, вы так и не стали проводником обращения казахов в чуждую веру?

– Не стал. Кстати, я догадался, почему вы, Мухамеджан Шолтырович, настаивали на встрече с глазу на глаз. Вам сообщили о моем отступничестве, о моей конфессиональной неискренности. И вы отправились меня переубеждать. Не стоит верить злым наговорам людей, которых хлебом не корми, только дай что-либо оболгать. В трудную минуту я стихотворение написал – отвечу вам стихами.

Среди сородичей моих нашлись враги.

От зависти они меня порочат.

Их клевета: «Крещен и носит крест!»

Невежество ужасней заблужденья.

А в чем вина? Я их детей учу.

– Как вы меня утешили. Мне хочется поддержать вас, напомнить, что вы не одиноки, и меня обрадовала ваша стойкость.

– По правде говоря, ваши слова не совсем заслужены мною. Я, конечно, пока справляюсь с навязанной бедой, но решимости оборвать компромиссное положение прямым бунтом в себе не нахожу. Примиренчески веду себя, так, чтобы волки были сыты, а овцы – целы: кормлю чиновников несбыточными обещаниями, многозначительно выговариваю для крещения сроки, не столь близкие к сегодняшнему дню. Даже, грешен, то и дело с умным видом рассуждаю о возможности мирного соединения ислама и православия.

У меня дома (я не позволил этот лишний в степи груз оставить в училище) стоит привезенный из епархиального управления казенный сундук с латунными нательными крестами. Однако, надеюсь, при моей жизни этот ящик Пандоры так и останется непочатым.

– Не скрою, ваши признания меня растрогали. Разумеется, я ни на одно мгновение не поверил, что вы посягнете на веру предков, на степные традиции, на многовековые устои нашей исторической судьбы. Однако сила вашей убежденности намного превзошла мои надежды. Спасибо. Не напрасно я так стремился с берегов Каспия в Оренбург. И мне приходится, как на турецкой перестрелке, перебегать от одного компромисса к другому. Я отдаю все силы сохранению казахского взгляда на мир, сбережению огромного богатства прекрасных народных традиций. Скорее, я предпочту гонения, нищету, тюремную камеру и кандалы ссыльного, чем пойду против казахского народа. Правители и губернаторы приходят и уходят, народ можно довести до бунта, до того, что он покинет родную землю, но заставить лицемерить, лгать, принимать чуждую веру... Вера есть великая и спасительная тайна. Сменить ее не удастся, иначе забудется само славное имя – «казах». Не побоюсь и самодержцу без утайки признаться в своих непоколебимых убеждениях. Правда, пока в этом не было необходимости.

Авторское отступление. В 1889 году, когда умер Ибрай Алтынсарин, сундук с латунными крестами стоял неоткрытым. Похоронили его по законам шариата. В русской газете по поводу его смерти написали: «Умер Ибрай Алтынсарин – первый апостол из казахов, призывавших к свету». Вот такая абстракция с христианским символом. Апостол – ученик и последователь Христа. До сих пор бытует заблуждение, что Ибрай Алтынсарин мечтал соединить ислам и православие.

Второе авторское отступление – о генерал-губернаторе Крыжановском. Лучше всего назвать Николая Андреевича Крыжановского неотступным и даже преступным самоуправцем. На совести этого царского чиновника трагические события,

неоднократные «малые восстания». Реформы губернатор, человек нетерпимый и предельно грубый, проводил, не имея и не желая иметь представления о местных обстоятельствах. Обстановка накалилась до предела, поскольку Крыжановский уездными начальниками и помощниками начальников назначал не природных киргизов султанского происхождения, а кавалерийских офицеров, по большей части из ротмистров из числа приближенных к губернатору. Это совершалось для того, чтобы обеспечить подопечным Николая Андреевича быстрое продвижение по ступеням служебной карьеры – ротмистрам незамедлительно стать полковниками.

Энергичные карьеристы совершенно не были знакомы ни с тем, как живут местные люди, ни с киргизским наречием, зато неоправданно строгими и, как правило, неуместными требованиями часто порождали опасные недоразумения и мятежные настроения. А следствием неизбежно становились случаи прямого неповиновения властям пререждающим.

К несчастью, недалекий, не отличавшийся разумным поведением солдафон и чинуша Крыжановский, достойный собрат грибоедовского Скалозуба, отзывался на протесты населения поступками в стиле «запретить» и «не пущать». Как только от очередного уездного начальника поступало сообщение о возмущении киргизских аулов, Николай Андреевич, ветеран Хивинского похода (1873 г.), тотчас отправлял в степь карательную команду, собранную из солдат линейных и стрелковых частей. Заодно губернатор посылал в Петербург военному министру телеграфный донос, «краздувая до невероятности самое ничтожное происшествие».

Не поздоровилось от ревностного служачи и казакам.

По инициативе Крыжановского и при его непосредственном участии появился в мае 1874 года проект «Нового военного положения для Уральского казачьего войска», совершенно разорительного для казаков. Они обратились к наказному атаману с прошением о пересмотре Положения. Конечно, о «неподобающем, возмутительном» поступке казаков немедленно донесли подобострастные подчиненные.

Дорого обошлась несчастным просителям попытка защитить себя и свои семьи от губительного Положения. Неутомимый Николай Андреевич мгновенно телеграфировал в Петербург о бунте, сам же в составе линейного батальона отправился умирять казаков. На совести безжалостного губернатора 10 тысяч уральских казаков, на протяжении шести лет (1874–1880 гг.) сосланных на каторгу, в арестантские роты, отправленных на вечное поселение в Сибирь, в Якутию, в Туркестан. Немало казаков погибло за эти смертельные годы.

Справедливости ради стоит упомянуть о Крыжановском-просветителе. При Николае Андреевиче открывались гимназии, реальное и ремесленное училища, приюты, семинарии и низшие учебные заведения, военные гимназии и прогимназии, было основано Оренбургское юнкерское училище; по предписанию губернатора реконструировали Оренбургский драматический театр, был также открыт Оренбургский отдел Русского географического общества.

Правда, учителя и ученики не любили малограмотного, склонного к самодурству Крыжановского, без предупреждения посещавшего училища и гимназии, обожавшего экзаменовать учеников и устраивать разносы преподавателям.

Разоблачительный гром грянул в 1881 году: сенаторская ревизия обнаружила в крае невероятное «хищение башкирских земель». Это была одна из самых крупных земельных афер в истории Российской империи. И когда началось расследование, губернатор допустил преступную халатность, позорное безразличие к бедственному положению жителей Оренбурга. После джута и страшных пожаров 1879 года тысячи горожан остались без крова, без средств к существованию. Крыжановский бездействовал, и напрасно оренбуржцы обращались к нему с просьбами о помощи.

Тем временем настала суровая зима 1879–1880 года. Обильные снежные заносы отрезали Оренбург от остального мира. Как ни просили губернатора погибающие от блокады горожане спасти людей от голода и холода, эти мольбы остались безответными. Потеряв всякую надежду, что Николай Андреевич опомнится, городское собрание Оренбурга отправило телеграмму министру внутренних дел. О бедственном положении губернского города министр доложил императору.

При полном равнодушии Крыжановского спасением города занялся наследник престола Александр Александрович, он непосредственно следил за расчисткой дороги от Самары до Оренбурга, за доставкой в блокадный город продовольствия.

Недорого заплатил лихой губернатор за свои преступления.

Отрешили от должности, отправив в отставку без пенсии; башкирские земли продали, чтобы заплатить долги губернаторского сына, сам же Николай Андреевич, поселившись в родовом имении, в Полтавской губернии, на досуге занялся литературными трудами, печатался в «Артиллерийском журнале», «Русском вестнике» и «Русской старине», даже сочинил роман «Дочь Алая-хана».

7. ЦАРСКИЕ ПОДАРКИ

Семидесятые годы девятнадцатого столетия – весьма тягостное время для нехристианских народов Российской империи. Царские чиновники настойчиво и бесцеремонно стремились обратить в православие татар и калмыков, якутов и эвенков, другие малые народности. Люди начинали забывать старинную веру, многовековые обычаи и традиции.

Дошла очередь и до Букеевской орды, где православные миссионеры приступили к делу в 1860–1880-х годах. Энергично трудились на ниве чуждого казахам религиозного просвещения представители Астраханского и Уральского казачества. Нашлись и разного рода историки, изыскивавшие убедительные доказательства, что переход в православие не только неизбежен, но и является благодеянием. Там, где проживало больше народа, к примеру, в Гурьеве и Ганюшкино, спешно возводились православные храмы, завозились нательные крестики. Кстати, в начале Гражданской войны церковь в Ганюшкино пострадала: от снарядного попадания она разрушилась; снарядный осколок, сохранившийся до наших дней, – горькая памятка о прошлом прикаспийского края.

Угроза забвения заветов предков, потери традиций, дорогих народному сердцу, приблизилась вплотную. У казахского народа отнимали славное прошлое, стремились превратить в людей, не помнящих родства.

Однако государственные миссионеры столкнулись с непримиримым сопротивлением. Против православной экспансии резко и определенно высказался правитель Первого и Второго Приморских округов Макаш Бекмохаммедов. Он доказывал, что у казахов есть своя огромная культура, имеющая самостоятельную, в том числе религиозную ценность. Никак нельзя произвольно заменять отцовскую веру на чуждые, на иноверческие каноны.

Умный, в совершенстве владевший мастерством убеждения, глубоко образованный, стойкий человек, Макаш Бекмохаммедов не подчинялся агрессивному поведению царских чиновников, до конца противостоял любым попыткам навязать казахам что-либо чуждое.

Царское правительство своих намерений не оставляло, но и Макаш не собирался отступать. Он решил во что бы то ни стало довести начатое до конца. Образно говоря, отправить латунные нательные крестики обратно. Непримируемая схватка с царской администрацией продолжилась в Петербурге, на приеме у императора

Александра Третьего в 1886 году. Это была не первая встреча с императором – летом 1881 года Макаш присутствовал на церемонии восшествия Александра Третьего на русский императорский престол.

Макаш обладал поразительным талантом прирожденного дипломата.

Он заказал макет золотой юрты, уменьшенную копию войлочной юрты, преподнесенной ранее императору Николаю Первому ханом Жангиром. Эта юрта как предмет этнографически уникальный, раритетный, в свою очередь, стала подарком русского царя Вильгельму, позднее заняла место в постоянной экспозиции одного из европейских музеев. «Малую золотую юрту» изготовили под наблюдением инициатора подарка. Для правителя этот предмет обрел особенное значение: юрта, на изготовление макета которой потребовался месяц и израсходовали семнадцать саф золота, стала как бы гарантией доброго отношения царя к подданным. Самого Мухамеджана Шолтыровича добросовестное выполнение сложного задания очень порадовало.

Понравилась казахская юрта, покрытая белым бархатом, и царю.

Император обратился к Макашу:

– Прелестная вещица, на зависть европейским ювелирам. Мне, как и моим приближенным, сей необыкновенный предмет пришелся по душе, ваше объяснение, что это – передвижное жилище кочевников, меня удовлетворило. Мне бы хотелось отблагодарить вас. Прошу, не стесняйтесь себя в просьбе, что вы хотели бы получить ответно. Постараюсь не разочаровать вас.

– Благодарю вас, Ваше Величество. Позвольте высказаться откровенно и прямо: казахи имеют главное желание жизни – остаться в мусульманской вере. Самое страшное – подвергнуться насильственному крещению. Оно прекратит естественное существование казахского народа, оборвет обычаи и традиции, огрубит душу, нарушит самостоятельность поступков и национального поведения, лишит уверенности и преданности в служении императорскому престолу. Такая ошибка, такая непродуманность и поспешность обойдется государству очень дорого.

Наступила поистине царственная тишина. Молчал царь, дружески-покровительственное выражение лица сменилось непроницаемым, молчали придворные вблизи и поодаль Александра Третьего, Макаш и его спутник также не решились прервать молчание.

Истомившая всех присутствовавших тишина все-таки закончилась.

Послышался четкий, правда, слегка потускневший голос императора:

– Позднее вы получите ответ. Я поручу своей канцелярии, чтобы его подготовили без задержки. Аудиенция закончена, желаю вам благополучного возвращения в родные края, ревностного исполнения ваших обязанностей ради процветания Российской империи.

Обещанный ответ императора превзошел самые оптимистичные надежды. Попытки крещения царская администрация оставила навсегда. Более того, по соизволению Александра Третьего казна выделила средства для строительства резиденции правителя.

Когда правитель Первого и Второго Приморских округов обратился к государю о необходимости озеленять побережье, укрепляя корнями деревьев почву, обедненную выветриванием, царь выделил на посадочный материал 10 000 рублей, что было, конечно, каплей в море. Макаш большую часть денег, полученных от царя на свою резиденцию, вложил в озеленение края.

Бракосочетание Николая Александровича – Николая Второго – и Александры Федоровны состоялось через 25 дней после смерти Александра Третьего. Эту

свадьбу называли грустной, однако торжества продолжались в декабре и в январе. Председатель Временного совета В. Лазаревский собрал старшин родов Букеевской орды. Назначение внеочередной встречи – необычное: поездка в Петербург на свадебное торжество по поводу бракосочетания императора всероссийского Николая Второго и его невесты Александры Федоровны в первой половине декабря 1894 года...

В. Лазаревский передал просьбу из Петербурга: прислать на царскую свадьбу «достойных и почтенных людей». Старшины долго обговаривали предлагаемые кандидатуры, однако с самого начала сошлись в одном – депутацию от казахов Букеевской орды непременно должен возглавить правитель Первого и Второго Приморских округов есаул Мухамеджан Бекмохаммедов.

Знающие люди порекомендовали обратиться с торжественным заказом в московскую ювелирную мастерскую Хлебникова. И Макаш написал ювелиру письмо: «Господин Хлебников! Наша делегация намерена преподнести Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице в качестве свадебного подарка по случаю высококрасочного события – бракосочетания Их Императорских Величеств большое серебряное блюдо, а также десять чайных стаканов вместе с чашками, ковш и два высоких золоченых стакана. По окружности блюда необходимо выгравировать «1894 г. 14 ноября». Блюдо не нужно украшать никакими рисунками. На другие предметы сервиза разрешено нанести красивые изящные узоры по вашему выбору. Прошу исполнить заказ к 10 января, стоимость заказа – 1000 рублей. Как только Вы, господин Хлебников, получите заказ, пожалуйста, немедленно телеграфируйте. Ваш ответ оплачен».

Аккуратный московский ювелир с ответом не промедлил: «Ваш заказ будет исполнен точно в указанный Вами срок. Телеграфируйте, не нужно ли выгравировать на предметах сервиза императорские вензеля; сообщите также, получите ли вы заказ в Москве, в мастерской, или его необходимо доставить по адресу, который в таком случае будет Вами указан». Позднее Хлебников отметил в отчетной книге: «Заказ казахской депутации выполнен мастерски. Все предметы серебряного сервиза переданы сегодня господину Мухамеджану Бекмохаммедову».

А в январе 1895 года владелец ювелирной мастерской Хлебников с понятной заинтересованностью читал в столичных газетах подробные отчеты о высокоторжественном бракосочетании Николая Александровича и Александры Федоровны.

И через некоторое время почтальон принес в мастерскую синий конверт из глянцевого картона. Хлебников долго рассматривал фотографию, которую он достал из конверта. На ней недавний получатель особенного заказа, кавалер орденов Св. Станислава, Св. Анны и Св. Владимира Мухамеджан Бекмохаммедов вместе с двумя сопровождающими стоит перед молодым российским самодержцем и держит в руках серебряное блюдо с подарочным сервизом.

Посетители хорошо известного в Москве и прочих городах империи ювелирного магазина Хлебникова неизменно останавливались перед размещенной на самом заметном месте фотографией, запечатлевшей Николая Второго, принимающего депутацию Букеевской орды.

Царские подарки делал Макаш не только царям. Строительство школы или прокормление народа после джута, материальная помощь талантливому акыну – все его кровно касалось.

Вот история про Кашагана – известного поэта, сказителя, музыканта.

На земле одного из Приморских округов, правителем которого долгие годы оставался Мухамеджан Бекмохаммедов, большую известность обрел акын Кашаган. И на родине акына, и за пределами округа о нем распространилась слава

как о личности легендарной. Аульные острословы, не признающие авторитетов, готовые любого высмеять, называли Кашагана «щедрый бедняк». Акын очень неохотно принимал плату за свои выступления на айтысах, на праздниках, на разного рода аульных событиях от долгожданного рождения до поминального обеда. Присутствие Кашагана придавало происходящему существенный вес и особую значимость. Песенное выступление акына означало, что свадьба или поминки закрепятся в народной памяти в поэтических строках.

Почти все полученное – деньги, скот, одежду – Кашаган раздавал. Неудивительно, что беспросветная бедность на правах надолго поселившегося гостя не покидала гостеприимный, открытый всем сердцам и всем ветрам дом любимого акына.

Для Макаша, пока он не познакомился с Кашаганом, пока не побывал у него, рассказы о скудном бытии народного любимца неизменно вызывали скептическую усмешку:

– Скупое одаряли певца, вот и не мог выбраться он из бедности.

Правитель принял решение – показать всей степи пример подлинной щедрости. Приобрел двести баранов-валухов, крупных, упитанных. Сам просил передать акыну, что намерен навестить его.

Весть о прибытии правителя опередила Макаша.

Близким родственникам, друзьям, соседям Кашаган объявил:

– Ожидаю Макаша Бекмохаммедова, аристократа из рода Шеркеш, ветвь – Каракемпир.

Акын сидел в собственной юрте, когда вошел еще не остывший от долгой дороги Макаш. Кашаган, младше шестидесятилетнего правителя на десять лет, принял дорогого гостя со всевозможной почтительностью. Акын перемежал песни интересными рассказами, изо всех сил стараясь, чтобы скуке не нашлось места в первом общении хозяина с гостем.

Слово и музыка не затихали в скромной юрте Кашагана далеко за полночь.

На другое утро...

Солнце стояло высоко над степью, когда высокий гость перевернул вверх дном последнюю чашку, прижал руку к сердцу и произнес сердечные слова искренней признательности.

Акын с достоинством принял благодарность правителя, подумал и все-таки решился с осторожностью обратиться к Макашу:

– Досточтимый Маке, простите, если мои расспросы покажутся вам неуместными, но поделитесь со мной, что именно заставило вас, человека немолодого, обремененного многими заботами, собраться в дальнюю дорогу и удостоить меня, простого человека, посещением.

– Да ничего особенного, уважаемый Кашаган, никакой нарочной цели я не имел. Просто единственное, что позвало в путь – возникло сильное желание повидаться с тобой, послушать твои песни, те, которые давно известны в степи, и те, которые совсем недавно напела тебе твоя знаменитая домбра. Все, мной задуманное, сбылось, и мне это очень радостно. Прибавлю, что навестил я тебя не с пустыми руками. Мои орлы пригнали двести баранов-валухов, прошу тебя, прими этот подарок, сочиняй новые песни, поезжай на айтысы, твои произведения с удовольствием послушаю и в следующий раз. Береги здоровье, достославный Кашаган.

Акын ответно пожелал здоровья правителю.

Через некоторое время Макаш вновь собрался навестить Кашагана. Несколько человек сопровождали правителя. Акын принимал гостей в той же самой юрте, в которой прежде встречал Макаша. Только теперь и сама юрта, и убранство, как, впрочем, и одежда акына, выглядели беднее прежнего. Макаша смутило странное

оживление и самого хозяина, и его помощников. Мужчины то и дело подбегали к Кашагану, о чем-то спрашивали, потом исчезали, озабоченные женщины тоже вели себя беспокойно.

Присмотревшись и прислушавшись, Макаш догадался о причине домашней тревоги: чтобы накрыть стол, пусть по самому скромному раскладу, Кашагану пришлось просить помощи у соседа. Пока зарезали и разделали полученного в долг барана, пока в бедняцком казане варилось мясо, пока готовили еду, хозяин вместе с родственниками и гостями сидели вокруг стола и чинно пили чай.

Приезжие деликатно отхлебывали по глотку и прислушивались к беседе Макаша и Кашагана.

Не дожидаясь расспросов, акын обратился к правителю:

– Те двести баранов, что ты с благородной щедростью передал в мое распоряжение, когда приезжал раньше... Ни на один день они не стали моей собственностью, они достались еще более меня бедным людям, помогли им худо-бедно продержаться в голодные дни.

– Я знал, что именно так ты и сделаешь – я рад, что мой дар пошел на доброе дело. А сейчас, как мы и договаривались, хочу послушать твои песни... Немало новых, наверное, появилось...

До поздней ночи Кашаган не выпускал домбры из рук. Домашние заходили и выходили, жена акына накрывала ужин, разливала чай, а правитель все слушал и слушал, иногда произносил несколько одобрительных слов.

Гости начали затемно собираться в обратную дорогу.

Кашаган, как и в прошлый приезд правителя, стал допытываться, чего ради важный государственный человек опять гостит в его доме. Неужели приехал издалека, чтобы послушать песни, познакомиться с рассказами акына о его житье-бытье? На свете есть заботы важнее...

– Дорогой Кашаган, – успокоил собеседника Макаш, – песни твои хороши, в народе они будут известны и любимы. А приехал я, чтобы убедиться – у тебя нет нужды в богатстве, не станет оно, как и раньше происходило, спутником твоей жизни... Обладаешь ты имуществом самым небольшим... С подобным легким грузом и живешь. Твои песни, кюи... это они – попутчики, самые верные, самые надежные. Пусть Бог как можно дольше сохранит твое здоровье, пусть не погаснет твой песенный дар; продолжай радовать и утешать людей: и тех, кто рядом, также и тех, кто наслаждается твоими словами и музыкой вдали от аула Кашагана.

Перед тем как расстаться с гостеприимным и душевным домом бескорыстного и талантливого акына, Макаш пригласил для разговора его жену:

– Ты, дорогая, держишь дом, вся в заботах, чтобы накормить и обиходить мужа и семью. Прошлый раз Кашаган пригнанных двести валухов раздал по родственникам, аульных бедняков также не обделил. Благие дела не осуждаю, но вам-то помочь некому. Вот кошелек, здесь деньги на всевозможные расходы: чай, сахар, мука... Побеспокойтесь о себе и о певце. Договорились?

При дарителе ни жена, ни Кашаган в кошелек не заглянули. А денег в нем оказалось ровно столько, сколько стоили двести откормленных баранов.

Когда опорожнили кошелек и подсчитали, сколько денег оставил Макаш, Кашаган, задумавшись, сказал:

– Очень тонкий человек наш правитель. Не затронул честь и достоинство хозяина дома, но в то же время дал понять: помогая другим, нельзя забывать о ближних. И, кроме того, передавая деньги главной женщине семейства, еще раз подчеркнул, какого высокого уважения она заслуживает. Поистине, ум и благородство нашего дорогого гостя согрели наш очаг редкой искренностью.

8. ДЖУТ

Зимой 1879–1880 года жители Поднебесной не могли дожидаться февральского рубежа, когда, наконец, вступит в свои права год текущий – по китайскому календарю год зайца, он же год kota или кролика. Эта четырехлапая тройца гарантировала прибыль, равновесие и постоянство. Но в прикаспийских степях постоянно сохранялась суровая, беспросветная непогода. Нескончаемые дожди проливались поверх снега, ни днем, ни ночью не стихал пронизывающий до костей студёный ветер. Животные не могли пробить ледяную корку, покрывавшую пастбища, чтобы добраться до травы. Наступила бескормица, начался повальный падеж скота.

Не раз и не два вспоминали казахи, как настойчиво убеждал людей правитель переходить на оседлое животноводство, заранее запастись корма, в холодные месяцы защищать стада от дождя и снега под крышами в кошарах, сараях, загонах.

Спасти на этот раз от джута не удалось: погибали животные, а след за ними и люди. На следующий год почти не осталось скота, для многих настало страшное время голодной смерти. Мучительные размышления, как помочь народу, где найти средства, не покидали Макаша. От вечного беспокойства правитель потерял сон. Такую всенародную трагедию казахский народ пережил в XVIII веке. В истории Казахстана эта огромная беда получила название «Ақтабан шубырынды». Теперь, на рубеже двух десятилетий XIX века, трагедия повторилась и получила наименование «Ақтабан шубырындысынан кейин».

Однажды, когда Макаш, охваченный горькими думами, составлял письмо царю, в котором откровенно писал о бедственном положении казахов-кочевников, его, как главу дома, старшая жена пригласила пройти на женскую половину. Там правителя познакомили с согласным решением женской части большой семьи: пожертвовать все золотые украшения, чтобы спасти от голодной гибели как можно больше народа. Растроганный Макаш чуть не заплакал и никак не мог справиться с волнением. Домашний ювелир с печалью смотрел, как симпатичная ему родня правителя расстается с изящными предметами из золота, изготовленными им как раз по заказам женщин из семьи Бекмохаммедова. Он предложил посредничать в продаже, но действительная цена на украшения по случаю джута упала, а цены на продукты возросли. Ювелир сдержал слово и принес объявленную с первого раза сумму. О том, что в действительности ему пришлось заплатить за свое первое слово себе в убыток, хозяева золота случайно узнали через много лет.

Золотого вклада домочадцев правителя в борьбу с голодом, к сожалению, оказалось недостаточно, чтобы справиться с бедой. На деньги, вырученные за золото, открыли столовые и пункты питания, где выдавали голодающим по одной лепешке в день (про мясо в тот год забыли). Многодетные семьи получали на месяц по «голове» сахара в плотной синей бумаге. Сахар кололи и делили так, чтобы не пропала ни одна крупинка.

А послание Макаша вверх нужное действие возымело: царь отправил министра с серьезными полномочиями, чтобы разобраться, каково действительное положение пострадавших от джута и определить размер вспомоществования.

Когда посланник российского императора прибыл на территорию Младшего жуза, губернатор известил о его приезде степную элиту, авторитетных народных представителей, среди которых были внуки Жангир-хана, другие хорошо известные деятели. Собравшиеся, посоветовавшись, пришли к решению, что рассказывать о положении в крае лучше всего поручить Аубакиру Акбайулы. А переводчиком определили человека, блестяще владевшего русским языком, – Макаша Бекмохаммедова.

Оба доверенных лица чрезвычайно аргументированно и подробно обрисовали царскому министру исключительно тяжелые обстоятельства, в которых оказались кочевники Младшего жуза, рассказали о причинах и последствиях того, что произошло. Полномочный представитель правительства, ознакомившись с обстоятельным сообщением А. Акбайулы и М. Бекмохаммедова, признал доводы докладчиков убедительными, от имени самодержца выразил обоим признательность. Выделенная финансовая и продовольственная поддержка во многом помогла казахам края справиться с тяжелым наследием «Актабан шубырынды – 2».

А Макаш, как и прежде, в дальнейшем устно и письменно призывал современников к оседлому образу жизни. Он неоднократно объяснял, что к таким неблагоприятным событиям необходимо готовиться заблаговременно, грамотно заниматься земледелием и животноводством. Словами и призывами Мухамеджан Шолтырович не ограничивался, в подчиненных ему округах он открывал школы, старался вызвать у современников стремление к образованию. Началось строительство деревянных домов. От выветривания почвы производились посадки деревьев и кустарника.

Еще не отступила первая беда, когда правительство всю землю объявило собственностью государства и за аренду закрепляло участки за оседлыми земледельцами и скотоводами, которые пока еще не были готовы отказаться от кочевого прокорма, но земли для перекочевков уже не было.

В таких условиях Макаш Бекмохаммедов ухитрился сохранять равновесие и относительное благополучие народа Междуречья, за который он отвечал головой. О своих семейных проблемах думать было некогда. Например, награды Мухамеджана Бекмохаммедова красовались на его одежде на всех официальных приемах, среди них был орден Св. Владимира 4-й степени, врученный ему 26 июля 1881 года, который давал право на потомственное дворянство, но записи в дворянской родовой книге не было. Только в 1898 году он обратился в правительствующий Сенат с «прошением» *«сделать надлежащее распоряжение о внесении есаула Мухаммеджана Чултурова Бекмохаммедова в третью часть дворянской родословной книги»*.

Такое распоряжение было сделано и поручено к исполнению по департаменту герольдии.

Было исполнено 7 марта 1898 года, через семнадцать лет после закрепленного права на потомственное дворянство. Фактически это делалось для семьи – два сына Макаша – Жамилжан и Фазыл – получили дворянский титул не с такими продолжительными хлопотами.

В 1897 году М. Ш. Бекмохаммедов участвовал в первой переписи населения России, проведенной под началом Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского – его давнишнего доброго знакомого, ценившего Бекмохаммедова в качестве необходимого члена возглавляемого им Географического общества.

Послужной список Макаша Бекмохаммедова занял бы несколько страниц. Мы уже многое сказали. Трудолюбивый и любопытный читатель добудет для себя необходимый ему материал.

9. ОН В БЕССМЕРТЬЕ – «В ОКЕАНЕ ПЕСЕН И КЮЕВ»

Писатель Сатимжан Санбаев, прижимая к боку локтем картонную папку, спустился по короткой наружной лестнице здания Союза писателей, вытянул за крепко потертый кожаный ремешок из нагрудного кармана серебряные карманные часы, подумал: «Такие часы могли служить и моему герою, почтенному Макашу». Сатимжану сей солидный хронометр с довоенной и даже дореволюционной родословной достался в составе небогатого отцовского наследства; отцу часы подарили сослуживцы.

Часовая стрелка, плавно вздрагивая, приближалась к римской цифре «двенадцать». До полуденного часа оставалось минут пять. И Сатимжан заторопился: не хотелось опаздывать, поскольку свидание назначено молодому человеку, и никак нельзя позволить, чтобы пожилого писателя (а Сатимжан после того, как отгремел-отбушевал его полувековой юбилей, только так и рекомендовался незнакомым людям, да и знакомым тоже) заподозрили в высокомерии, в пренебрежении к молодому поколению.

Несколько столиков, вынесенных на свежий воздух из кафе «Камертон», что напротив консерватории, хозяева заведения расположили в так называемом «художественном беспорядке». Сатимжан устроился за самым дальним, бросив папку на фирменный стул с резной спинкой. «Подобный предмет одной рукой не поднимешь: такую тяжесть свободно можно оставлять без присмотра вплоть до закрытия», – мимолетно отметил Сатимжан.

Некоторое время писатель любовался неподъемным стулом со спинкой раритетного образца, машинально приглядывался к машинам, проезжавшим по проспекту, по-стариковски ворча: «Иномарка... иномарка... «Тойота»... «Лексус»... «Ламборджини»... Не хватает только «Бентли» и «Линкольнов»... Ах, какая бедность, какая непроглядная, кошмарная бедность!»

Суровое и недовольное бормотание Сатимжана прервало появление перед ним молодого человека в светло-рыжей с подпалинами замшевой куртке. Он деловито поздоровался, обратившись к ожидавшему по имени-отчеству и, дождавшись, пока Сатимжан вежливым жестом пригласит пришельца занять свободный стул, присел и поставил рядом черный футляр.

– Скрипка? – Санбаев вопросительно протянул ладонь к футляру.

– Да, именно так. Вы что-то хотели узнать?

– Еркемжан, начнем торопиться, погубим дело. Конечно, аспирант – человек занятой, постараюсь обойтись самым малым. Сначала спрошу – что тебе известно о Макаше Бекмохаммедове?

– Сатимжан-ага, я же вам говорил, я – гурьевский, человек с берегов Каспия. Нам не знать Мухамеджана Шолтыровича – стыда не оберешься. Что-то около полувека служил он правителем; старые люди – а вслед за ними и мы – называют Макаша правителем. Правда, чем он занимался, подробно рассказать не смогу; лучше к историкам обратиться, к кому-то из музейщиков. Я – скрипач, играю в студенческом оркестре... Макаша почитаю потому, что у него душа – музыкальная. Меня Акмарал Аскарарна с композиторской кафедры попросила рассказать о Макаше младшекурсником.

– Мне очень интересно было бы послушать: я задумал о нем большую книгу, и теперь собираю материал...

– Да вам, наверное, и без меня все хорошо известно.

– А вот мы посмотрим, начинай.

– Макаш прекрасно знал казахскую поэзию. Он же – современник Махамбета. А у казахов поэзии без музыки не бывает. Должность Макаша обязывала правителя постоянно объезжать многие степные места, и повсюду он записывал фольклорные произведения... Сколько у него на слуху было народной музыки: богатство необозримое.

– Музыка – музыкой, однако, на мой взгляд, Макаша намного сильнее привлекало слово. Вот посмотри, Еркемжан, более сотни лет прошло, как напечатали просто великолепную книгу «Благие наставления». Какие там собраны словесные драгоценности: стихи Шалкииза, Доспамбета, Жиенбета, Есет-бия... Немало сказителей, отменных мастеров красного слова после трехтомных «Благих наставлений» никогда не потеряются, не будут забыты. Эту сокровищницу должна иметь каждая казахская семья. «Книга – лучший подарок»...

– Это я со школьных лет помню...

– Так вот, «книга перво-наперво – лучший воспитатель». Но мы отвлеклись, прости... Макаш знал и любил музыку. Хорошо бы всем чиновникам высшего и низшего звена брать пример. Знал и любил музыку...

– Кроме того, окружающие знали его как первоклассного домбриста... и как композитора. К сожалению, не все кюи, сочиненные Макашем, сберегли имя автора. Хрестоматийные – из современного концертного репертуара – «Байжума» «Кок жорга», «Смерть Салыка», «Назым». Наша Акмарал Аскарровна все время призывает студентов и аспирантов знакомиться с исполнителями и композиторами, влюбленными в произведения народной музыки, советует не расставаться с книгой «Атырау – океан песен и кюев», составленной Каримой Сахарбаевой. И записывать, записывать, не лениться, чтобы ничего не пропало...

– Ну, что еще не пропало?

– Макаш очень любил композиторов. Неоднократно сам исполнял произведения Даулеткереев, Тюркеша, Курмангазы... да и меценатствовал тоже. Прослышал, что талантливый кюйши Соқыр Есжан из-за бедности не в состоянии поехать на ярмарку, куда его пригласили участвовать в состязании акынов. Правитель приехал к Соқыру, привез праздничную одежду, в которой кюйши смотрелся ничуть не хуже соперников. И лошадь, на которой Соқыр Есжан отправился на айтыс, также подарок Макаша. Правитель продолжал и дальше заботиться о Соқыре, о других народных музыкантах.

– Правителя считали другом Курмангазы.

– Конечно, а как же иначе. Композитор на правах близкого друга некоторое время проживал в доме Макаша. Курмангазы много лет преследовали, он побывал во многих тюрьмах, находился в ссылке; наконец, пришла пора позднего возраста, жизненные силы уменьшились. Пятнадцать раз заключали композитора под стражу. Из последнего места заключения Курмангазы сумел тайно, при помощи одного сочувствовавшего ему подростка передать на волю небольшую записку. В ней он горько поведал о своем бедственном положении. Далеко не сразу записка Курмангазы попала к Макашу. Прочитав тюремное послание, Макаш сразу поехал к астраханскому генерал-губернатору В. М. Лазаревскому, выхлопотал для друга охранную грамоту. Не оставил Макаш в беде и товарища Курмангазы по несчастью – народного батыра калмыков Саранжана. Как только Курмангазы и Саранжан получили эти защитительные документы, они прибыли в дом Макаша. Недавних узников встретили с сердечными почестями. Радости двух друзей не было предела, они с благодарностью принимали поздравления с освобождением из тюрьмы.

О счастливом настроении Курмангазы можно судить по искрящемуся весельем музыкальному произведению композитора. Это – очень популярный кюй «Кисен ашкан». Иным чувством – чувством глубокой печали – проникнуто еще одно сочинение великого казахского композитора – кюй «Саранжан». Курмангазы сильно сожалел, что нелегкая судьба разлучает его с калмыцким другом, вместе с которым пришлось провести долгие годы заточения. Страдал он также из-за того, что недостаточность состояния, проще говоря, лютая бедность не позволяет ему сделать соузнику достойный прощальный подарок. И Курмангазы взял в руки домбру.

Когда отзвучали последние звуки кюя «Саранжан», названного в честь друга, возвращающегося на родину, Курмангазы и Саранжан встали и обнялись. Они с большой неохотой опустили руки, не произнося ни слова, и расстались. По настойчивому желанию Макаша, Курмангазы, теперь обладатель «белого билета», со всем своим семейством в 1884 году переезжает в местечко Сахма. Здесь пре-

крашаются долгие скитания великого сына казахского народа, здесь он прожил до самой кончины. Ушел из жизни Курмангазы в возрасте семидесяти шести лет.

– Спасибо, Ермакжан. Какая-то часть моей работы проявилась... Но вот какое впечатление... Мы только чуть-чуть прикоснулись к огромной, чрезвычайно интересной жизни человека особенного, разностороннего... Слушай, наверное, так можно сказать: «У каждого народа, у каждой эпохи есть свой Леонардо да Винчи, свой Ломоносов». Леонардо – и живописец, и анатом, и архитектор... А инженерные проекты, подводная лодка... В средневековье!

Так и русский гений – Ломоносов... Физик... научного соратника... молнией убило... Михаил Васильевич не погиб случайно... Тонкие химические опыты... Мозаикой занимался... Оды сочинял, торжественные, русскую грамматику составил, о русской истории собственное мнение имел. Пушкин написал верно: «Он сам был нашим первым университетом».

Мне Макаш кажется личностью не меньшего масштаба. Просто некому достойно представить казахского гуманиста. Его не знают. «Неизвестный Макаш» – тема наиважнейшая. Об этом стоит поговорить, но сейчас задерживать тебя не стану. Не оставляй талантливейшего Макаша в неизвестности. Благодарность потомков – в прочной и подробной памяти о славных деяниях. Жизнь Макаша Бекмохаммедова такими деяниями наполнена изобильно.

Надеюсь, встретимся, дорогой Ермакжан.

10. КОНЧИНА

Прошли годы... До шестидесятилетнего Кашагана дошла печальная весть, что Макаш неизлечимо болен, по сути дела, находится при смерти.

Пожилой акын, хотя чувствовал себя не очень хорошо, кроме того, почти ослеп, тотчас собрался в дорогу, позвал внука сопровождать его и через три-четыре дня подошел к порогу дома Макаша. Но, как ни спешил Кашаган, не застал бывшего правителя в живых. Макаш простился с жизнью за несколько минут до прихода акына. Кашаган вошел в помещение, когда покойного, как и положено по обряду, поворачивали на правый бок.

Акын сел у порога юрты, достал из войлочного чехла черную домбру и в слезах произнес:

Утешь нас, милосердный Бог!
 Здесь бури скорби пролетели –
 Сегодня с царственной постели
 Макаш упал на правый бок.
 Столпись, народ!.. Осиротели
 Кочевья, стойбища, дома,
 Над нами грянули грома –
 Мир белым саваном застелен.
 Утешь нас, милосердный Бог!

Погруженные в скорбь родственники Макаша, тяжело переживавшие уход из жизни главы семьи, со слезами слушали акына и говорили: «Слово Кашагана – чистое золото».

(Окончание следует.)

